

_____ знаменитые украинцы _____

И. Коляда,
М. Главацкий, А. Кириенко

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ

Харьков
«Фолио»
2016

ББК 63.3(4УКР)
К62

Серия «Знаменитые украинцы» основана в 2009 году

Художник-оформитель *О. Н. Иванова*

Микола Костомаров (1817—1885) — громадський діяч, історик, публіцист, автор багатотомного видання «Російська історія у життєписах її найголовніших діячів», дослідник соціально-політичної і економічної історії Росії та України, яку він називав Південною Руссю і Південним краєм. У Костомарові вдало поєдналися вчений, мислитель і майстер слова, що забезпечило йому не лише одне з перших місць серед російських і українських істориків, але й широку популярність серед читачів.

Коляда И. А., Главацкий М. В., Кириенко А. Ю.

К62 Николай Костомаров / И. А. Коляда, М. В. Главацкий, А. Ю. Кириенко; худож.-оформитель О. Н. Иванова. — Харьков: Фолио, 2016. — 121 с. — (Знаменитые украинцы).

ISBN 978-966-03-5098-4 (Знаменитые украинцы).

ISBN 978-966-03-5255-1.

Николай Костомаров (1817—1885) — общественный деятель, историк, публицист, автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», исследователь социально-политической и экономической истории России и Украины, которую он называл Южной Русью и Южным краем. В Костомарове удачно соединились ученый, мыслитель и мастер слова, что обеспечило ему не только одно из первых мест в ряду русских и украинских историков, но и широкую популярность среди читающей публики.

ББК 63.3(4УКР)

ISBN 978-966-03-5098-4
(Знаменитые украинцы)

ISBN 978-966-03-5255-1

- © И. А. Коляда, М. В. Главацкий, А. Ю. Кириенко, 2016
- © О. Н. Иванова, художественное оформление, 2016
- © Издательство «Фолио», марка серии, 2009

ДЕТСТВО: ПЕРВЫЕ УРОКИ

Николай Иванович Костомаров (псевдонимы — Иеремия Галка, Иван Богучаров) родился 4(16) мая 1817 года в слободе Юрасовка, ныне Ольховатского района Воронежской области, в семье помещика, отставного капитана Ивана Петровича Костомарова и крепостной Татьяны Петровны Мыльниковой (впоследствии — Т. П. Костомарова). Один из самых далеких предков ученого проживал на территории Московского государства и был известен лишь тем, что в числе бежавших отсюда в правление Ивана Грозного оказался на Волыни у князя Андрея Курбского. Во время кровавых казачьих войн, принесших неисчислимые бедствия простому люду, разбитые поляками казачьи войска под предводительством Остряницы (Острянина) и Гуни вынуждены были спастись бегством в пределы Московского государства. Вместе с казачеством туда же в пустынные степи по течению Арона и Хопра переселился род Костомаровых.

Николай Иванович впоследствии вспоминал: «Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежит к старым великорусским родам дворян, или детей боярских. Насколько нам известно, оно упоминается в XVI веке; тогда уже существовали названия местностей, напоминающие это прозвище, — напри-

мер, Костомаров Брод на реке Уфе. Вероятно, и тогда уже были существующие теперь села с названием Костомарово, находящиеся в губерниях Тульской, Ярославской и Орловской».

При Иване Васильевиче Грозном сын боярский Самсон Мартынович Костомаров, служивший в опричнине, убежал из Московского государства в Литву, был принят ласково Сигизмундом Августом и наделен поместьем в Ковельском уезде. Он был не первый и не последний из таких перебежчиков. При Сигизмунде III по смерти Самсона данное ему поместье разделилось между его сыном и дочерью, вышедшею замуж за Лукашевича. Внук Самсона, Петр Костомаров, пристал к Хмельницкому и после Берестецкой катастрофы подвергся банниции и потерял свое наследственное имение сообразно польскому праву кадука. Это следовало из письма короля воеводе Киселю об имениях, подлежащих тогда конфискации. П. Костомаров вместе со многими волынцами, приставшими к Хмельницкому и ставшими казаками, ушел в пределы Московского государства. То была не первая колония из выходцев юго-западных русских земель. Еще в царствование Михаила Федоровича появились села украинцев по так называемой Белгородской черте, а город Чугуев был основан и заселен казаками, убежавшими в 1638 году с гетманом Я. Остряниным; при Б. Хмельницком же упоминаемое переселение казаков на московские земли было первое в своем роде. Всех перешедших в то время было до тысячи семей; они состояли под начальством предводителя Ивана Дзинковского, носившего звание полковника. Казаки эти хотели поселиться поблизости к украинским границам, где-нибудь недалеко от Рылска или Вельска, но московское правительство разрешило им поселиться только далее к востоку. На их просьбу дан был такой ответ: «Будет у вас с польскими и литовскими людьми частая ссора, а оно получше, как подальше от задора». Им отвели для поселения место на реке Тихая Сосна, вслед за тем

был построен казачий городок Острогожск. Из местных актов видно, что название это существовало и прежде, потому что об основании этого города говорится, что он поставлен на Острогожском городище. Так начался Острогожский полк, первый по времени из слободских полков.

В окрестностях новопостроенного города начали разрастаться хутора и села: край был привольный и плодородный. П. Костомаров был в числе поселенцев, и, вероятно, эта фамилия дала название теперь многолюдной Костомаровой слободе на Дону. Потомки пришедшего с Волыни П. Костомарова укоренились в Острогожском крае, и один из них поселился на берегу реки Ольховатки и женился на воспитаннице и наследнице казацкого чиновника Юрия Блюма, построившего во имя своего ангела церковь в слободе, им заложеной и по его имени названной Юрасовкой. Это было в первой половине XVIII столетия. Имение Блюма перешло к Костомаровой. К этой ветви принадлежал отец Николая Ивановича. Костомаров про своего отца вспоминал: «Отец мой родился в 1769 году, служил с молодых лет в армии, участвовал в войске А. Суворова при взятии Измаила, а в 1790 году вышел в отставку и поселился в своем имении Острогожского уезда в слободе Юрасовке, где я родился».

Отец Николая Ивановича сообразно тому времени получил недостаточное образование и впоследствии, сознавая это, постоянно старался пополнить недостающие знания чтением. Он много читал, постоянно выписывал книги, выучил даже французский настолько, что мог читать в оригинале, хотя и с помощью лексикона. Любимыми сочинениями его были сочинения Вольтера, Даламбера, Дидро и других энциклопедистов XVIII века. К личности Вольтера он питал особое уважение, доходившее до благоговения. Благодаря такому направлению отец Костомарова стал типичным старинным дворянином-

вольнодумцем. Он фанатично отдался материалистическому учению и стал отличаться крайним неверием, хотя, по мнению его учителей, ум его колебался между совершенным атеизмом и деизмом. «Его горячий, увлекающийся характер часто доводил его до поступков, которые в наше время были бы смешны; например, кстати и некстати он заводил философские разговоры и старался распространять вольтеризм там, где, по-видимому, не представлялось для этого никакой почвы. Был ли он в дороге — начинал философствовать с содержателями постоянных дворов, а у себя в имении, собирая кружок своих крепостных, читал им филиппики против ханжества и суеверия. Крестьяне в его имении были из местного украинского населения и туго поддавались вольтерианской школе; но из дворни было несколько человек из Орловской губернии, из его материнского имения; и последние, по своему положению дворовых людей имевшие возможность частых бесед с баринном, оказались более понятливыми».

Острогожский уезд со всею южной частью Воронежской губернии в то время принадлежал к Слободско-Украинской губернии. В политических и социальных понятиях отца Николая Ивановича господствовала какая-то смесь либерализма и демократизма. Он любил толковать всем и каждому, что все люди равны, что отличие по породе есть предрассудок, что все должны жить, как братья, но это не мешало ему при случае показать над подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно в минуту вспыльчивости, которой он не умел сдерживать; зато после каждой такой выходки он просил прощения у оскорбленного слуги, старался чем-нибудь загладить свою ошибку и раздавал деньги и подарки. Лакеям до такой степени это понравилось, что бывали случаи, когда его сердили с намерением, чтобы довести до вспыльчивости и потом сорвать с него куш. Впрочем, его вспыльчивость реже

приносила вред другим, чем ему самому. Однажды, например, рассердившись, что ему долго не несут обедать, он в припадке гнева перебил великолепный столовый сервиз саксонского фарфора, а потом, опомнившись, сел в задумчивости, начал рассматривать изображение какого-то древнего философа, сделанное на сердолике, и, подозвав сына к себе, прочитал ему со слезами на глазах нравоучение о том, как необходимо сдерживать порывы страстей. С крестьянами своего села он обходился ласково и гуманно, не стеснял их ни поборами, ни работами; если приглашал что-нибудь делать, то платил за работу дороже, чем чужим, сознавал необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости и не скрывал этого перед ними. Вообще, надо сказать, что если он позволял себе выходки, противоречащие проповедываемым убеждениям свободы и равенства, то они проявлялись помимо его желания, от неумения сдерживать порывы вспыльчивости; поэтому все, кто не обязан был часто находиться при нем, любили его. В его характере не было никакого барского тщеславия; верный идеям своих французских наставников, он ни во что не ставил дворянское достоинство и терпеть не мог тех, в ком замечал желание щегольнуть своим происхождением и званием.

Николай Иванович впоследствии вспоминал: «Как бы в доказательство этих убеждений он не хотел родниться с дворянскими фамилиями и уже в пожилых годах, задумавши жениться, избрал крестьянскую девочку и отправил ее в Москву для воспитания в частное заведение, с тем чтобы впоследствии она стала его женою». Это было в 1812 году. Вступление Наполеона в Москву и сожжение столицы не дало ей возможности продолжать начатое образование: отец Николая Ивановича, услышав о разорении Москвы, «послал взять свою воспитанницу, которая впоследствии и сделалась его женою

и моею матерью. Я родился 4 мая 1817 года. Детство мое до десяти лет протекало в отеческом доме без всяких гувернеров, под наблюдением одного родителя. Прочитав «Эмиля» Жан-Жака Руссо, мой отец прилагал вычитанные им правила к воспитанию своего единственного сына и старался приучить меня с младенчества к жизни, близкой с природою: он не позволял меня кутать, умышленно посылал меня бегать в сырую погоду, даже промачивать ноги, и вообще приучал не бояться простуды и перемен температуры. Постоянно заставляя меня читать, он с детских моих лет стал внушать мне вольтерианское неверие, но этот же нежный возраст мой, требовавший непрестанных обо мне попечений матери, давал ей время и возможность содействовать этому направлению. В детстве я отличался необыкновенной памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь вольтерова «Танкреда» или «Заиру» в русском переводе, прочесть ее отцу наизусть от доски до доски. Не менее сильно развивалось мое воображение. Местонахождение усадьбы, в которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рекой, текшею возле самой усадьбы, усеянную зелеными островками и поросшею камышами, возвышались живописные меловые горы, испещренные черными и зелеными полосами; от них рядом тянулись черноземные горы, покрытые зелеными нивами, и под ними расстигался обширный луг, усеянный весною цветами и казавшийся мне неизмеримым живописным ковром. Весь двор был окаймлен по забору большими осинами и березами, а сбоку тянулась тенистая роща с вековыми деревьями. Отец мой нередко, взявши меня с собой, садился на земле под одной старой березой, брал с собою какое-нибудь поэтическое произведение и читал или меня заставлял читать; таким образом, помню я, как при шуме ветра мы читали с ним Оссиана и, как кажется, в отвратительном прозаическом рус-

ском переводе. Бегая в ту же рощу без отца, я, натываясь на полянки и на группы деревьев, воображал себе разные страны, которых фигуры видел на географическом атласе; тогда некоторым из таких местностей я дал названия. Были у меня и Бразилия, и Колумбия, и Лаллатская республика, а бегая к берегу реки и замечая островки, я натворил своим воображением Борнео, Суматру, Целебес, Яву и прочее. Отец не позволял моему воображению пускаться в мир фантастический, таинственный, он не позволял сказывать мне сказок, ни тешить воображение рассказами о привидениях; он щекотливо боялся, чтобы ко мне не привилось какое-нибудь вульгарное верование в леших, домовых, ведьм и т. п. Это не мешало, однако, давать мне читать баллады В. Жуковского, причем отец считал обязанностью постоянно объяснять мне, что все это — поэтический вымысел, а не действительность. Я знал наизусть всего «Громобоя»; но отец объяснял мне, что никогда не было того, что там описывается, и быть того не может. Жуковский был любимым его поэтом; однако же отец мой не принадлежал к числу тех ревнителей старого вкуса, которые, питая уважение к старым образцам, не хотят знать новых; напротив, когда явился А. Пушкин, отец мой сразу сделался большим его поклонником и приходил в восторг от «Руслана и Людмилы» и нескольких глав «Евгения Онегина», появившихся в «Московском вестнике» 1827 года».

Мать Николая Ивановича, Татьяна Петровна, украинка из крепостных, как уже упоминалось, приглянулась барину еще девочкой, была отправлена на учебу в Москву в частный девичий пансион и получила хорошее образование и воспитание. Внебрачная связь с Иваном Петровичем привела к рождению ребенка, не усыновленного из-за трагической смерти родителя, принятой от рук собственной дворни. Родня помещика была против женитьбы на крестьянке. Венчание с добродуш-

ной и кроткой барышней состоялось где-то в другом месте в сентябре 1817 года, но уже после рождения сына 4 мая.

Старый Костомаров любил свою жену — красавицу и очень умную женщину, но держал ее, как и всех в своем доме, в строгости и на почтительном расстоянии от себя. Татьяна занимала две комнаты и жила в них одиноко с новорожденным сыном, выходя из них редко и только по особому вызову.

Ребенок, одаренный необыкновенной памятью и блестящими способностями, в том числе и к музыке, находился под влиянием отца, который души в нем не чаял, подчеркивая всякий раз перед всеми и особенно перед своими родственниками, что это его наследник; учил сына читать, и смывленный мальчик быстро научился понимать смысл букв и освоил чтение, что приводило Ивана Петровича в восхищение: «Ты у меня умница и честный мальчик. Терпеть не могу лгунишек — и если ты хоть раз солжешь, то я тебе не отец, а ты мне не сын!»

От отца Николаю Ивановичу суждено было унаследовать одну, но пагубную черту — сильную раздражительность.

Начало учебы в 1827 году не предвещало будущему ученому ничего хорошего. Н. И. Костомаров так вспоминал впоследствии об этом периоде своей жизни: «Когда мне минуло десять лет, отец повез меня в Москву. До того времени я нигде не был, кроме деревни, не видал даже своего уездного города. По приезде в Москву мы остановились в гостинице «Лондон» в Охотном ряду, и через несколько дней отец повел меня в первый раз в театр. Играли «Фрейшнугов». Несколько дней меня занимало увиденное в театре и мне до чрезвычайности снова хотелось в театр. Отец повез меня. Давали «Князя Невидимку» — какую-то глупейшую оперу, теперь уже упавшую, но тогда бывшую в моде. Несмотря на мой десятилетний возраст я понял, что между первую виденною мною оперою и вто-

рою — большое различие и что первая несравненно лучше второй. Третья виденная мною пьеса была «Коварство и любовь» Шиллера. Мне она очень понравилась, отец мой был тронут до слез; глядя на него, и я принялся плакать, хотя вполне не мог понять всей сути представляемого события».

Подростка Николая Костомарова, подобно многим богатым барчукам, отдали в частный пансион господина Ге, преподавателя французского языка в университете. Первое время его пребывания после отъезда отца из Москвы проходило в беспрестанных слезах; Николаю было невыносимо тяжело и одиноко в чужой стороне и среди чужих людей; юному подростку все время рисовались картины покинутой домашней жизни и матушка, которой была тяжела разлука с сыном. Мало-помалу учеба начала Николая захватывать и тоска улеглась. Он приобрел признание товарищей; содержатель пансиона и учителя удивлялись памяти и способностям Николая Ивановича. Однажды, например, забравшись в кабинет хозяйина, он отыскал сборник латинских крылатых выражений и за каких-нибудь полдня выучил все наизусть. По всем предметам Н. Костомаров учился хорошо, кроме танцев, к которым, по приговору танцмейстера, «не показывал ни малейшей способности». Будущий ученый вспоминал: «Через несколько месяцев я заболел; отцу написали об этом, и он внезапно явился в Москву в то время, как я не ждал его. Я уже выздоровел, в пансионе был танцкласс, как вдруг отец мой входит в зал. Поговоривши с пансионосодержателем, отец положил за благо взять меня с тем, чтобы привезти снова на другой год после вакаций. Впоследствии я узнал, что человек, которого отец оставил при мне в пансионе в качестве моего дядьки, написал ему какую-то клевету о пансионе; кроме того, я слышал, что сама болезнь, которую я перед тем испытал, произошла от отравы, поданной мне этим дядькой, которому, как оказалось,

был в то время расчет во что бы то ни стало убраться из Москвы в деревню. Таким образом, в 1828 году я был снова в деревне — в чайнии после вакаций снова ехать в московский пансион; между тем над головой моего отца готовился роковой удар, долженствовавший лишить его жизни и изменить всю мою последующую судьбу».

Иван Петрович еще сильнее восхищался даровитостью своего сына, часто возил по лесам и твердил ему при кучерах и лакеях: «Пойдем, Николай, обозреть твои леса». Всякому встречному он неосторожно говорил: «Откладывать больше не стану, отвезу с каникул Николая в пансион, а сам отправлюсь из Москвы в Петербург для усыновления моего дорогого мальчика». Но случилось непоправимое: Иван Петрович был убит, и это направило жизнь юного Костомарова по иному пути и удручающим образом подействовало на психику впечатлительного ребенка.

В имении отца, как уже упоминалось, было несколько переселенцев из Орловской губернии; из них кучер и камердинер жили во дворе, а третий, служивший прежде лакеем, был за пьянство изгнан со двора и жил в селе. Они организовали заговор — убить отца Николая Ивановича с намерением украсть у него деньги, которые, как они выяснили, хранились в шкатулке. К ним пристал человек, бывший дядькой Костомарова во время пребывания Николая в московском пансионе. Злодейский умысел вынашивался уже несколько месяцев, наконец, убийцы решили исполнить его 14 июля. Отец Николая имел привычку ездить для прогулки в леса на расстоянии двух-трех верст от двора, иногда с сыном, иногда один. Вечером в роковой день он приказал заложить в дрожки пару лошадей и, посадив Николая с собою, велел ехать в рощу, носившую название Долгое. Николай Иванович вспоминал: «Усевшись на дрожки, я по какой-то причине не захо-

тел ехать с отцом и предпочел, оставаясь дома, стрелять из лука, что было тогда моею любимую забавою. Я выскочил из дрожек, отец поехал один. Прошло несколько часов, наступила лунная ночь. Отцу пора было возвращаться, мать моя ждала его ужинать — его не было. Вдруг вбегает кучер и говорит: «Барина лошади куда-то понесли». Сделался всеобщий переполох, послали отыскивать, а между тем два лакея, участники заговора, и — как есть подозрение — с ними и повар обдeldывали свое дело: достали шкатулку, занесли ее на чердак и выбрали из нее все деньги, которых было несколько десятков тысяч, полученных моим отцом за заложенное имение. Наконец, один из сельских крестьян, посланный для отыскания барина, воротился с известием, что, как вспоминал Николай Иванович, «пан лежит неживый, а у его голова красна и кровь дзюрчить». С рассветом 15 июля мать моя отправилась со мною на место, и нам представилось ужасное зрелище: отец лежал в яру с головой обезображенной до того, что нельзя было приметить человеческого образа. Вот уже 47 лет прошло с тех пор, но и в настоящее время сердце мое обливается кровью, когда я вспомню эту картину, дополненную образом отчаяния матери при таком зрелище. Приехала земская полиция, произвела расследование и составила акт, в котором значилось, что отец мой несомненно убит лошаадьми. Отыскали даже на лице отца следы шипов от лошадиных подков. О пропаже денег следствия почему-то не произвели».

Убийство Костомарова-отца представляется прямо-таки детективной историей, рассказанной самими юрасовцами и отраженной в архивных документах Воронежского окружного суда. Среди последних хранилось несколько дел, содержащих интересные сведения о семье Костомаровых, в том числе: «О предании случая смерти капитана Костомарова, убитого лошаадьми, воле Божией», «О краже у помещицы

Костомаровой из сундука разных вещей и денег крестьянином Мельниковым», «О крестьянах Василии Смыколове с прочими, судимых за ограбление дома помещицы Костомаровой». Суд умышленного убийства не установил. В ином виде дело представлено в воспоминаниях Татьяны Петровны. Она свидетельствует, что муж ее был убит с целью ограбления дворовыми людьми: кучером, камердинером и изгнанным за пьянство лакеем. Версию матери передает Костомаров в «Автобиографии»: «Убийство совершено из-за шкатулки с несколькими десятками тысяч рублей, полученными за заложенное имение».

Сами юрасовцы передают эту историю так: «Однажды вечером старый Костомаров уехал на пасеку, которая была в «Рахминовском лесу». Он любил ездить ночью и так убирал лошадей серебром, что, бывало, упряжь даже в темноте блестя, а бубенчиков столько навешивал на лошадей, что было слышно за несколько верст, как они гремели. И в тот роковой вечер, когда Костомаров ехал с пасеки, юрасовцы слышали, как гремели и дребезжали бубенцы и колокольчики вдали и как потом сразу оборвалось их дребезжание. В ту же минуту так страшно завыли собаки на господском подворье, что даже юрасовцы повыскакивали из своих хат. Спустя некоторое время прибежал кучер Костомарова Савка, рослый мужчина-силач, с криком: «Ой! ой! ой! руку кони выбылы и пана выбылы!» Но, увидавши его, ключник Бардан в свою очередь закричал: «Закуйте его, закуйте! вин бреше!» Кучера заковали в кандалы. Родня и крестьяне бросились на место самого происшествия, и вот что представилось их глазам. «Лошади с экипажем были загнаны в болото, у Костомарова оказались замотанными в вожжи руки с выкрученными пальцами, а на лбу зияла рана от лошадиной подковы. Все, по-видимому, было обставлено таким образом, чтобы показать, что пере-

пугавшиеся лошади убили помещика. Но родня Татьяны Петровны не поверила этому, тем более что и подкова оказалась на лбу «навыворот», не в том положении, в каком она должна была бы быть, если бы лошадь ударила Костомарова заднею ногою, а вверх шипами. По ходу дела каждому из юрасовцев сразу же стало ясным, что убийство было совершено частью из мести, а частью — из-за грабежа. В то время, когда все бросились на место происшествия, костомаровский дом был ограблен — было взято много денег, которые Костомаров будто бы собирал для поездки в Петербург и «узаконения сына». Завязалось дело. Заподозренные в убийстве крестьяне сорили деньгами и замазывали прорехи в своем хозяйстве. Возможно, дело об убийстве помещика так бы и заглохло, но через 7 лет после нового покушения на дом Татьяны Петровны и ее родни один из участников убийства Костомарова сам проговорился в кабаке об этом деле очень открыто, и за дело взялся энергичный следователь Граников. Убийцы при новом ведении дела сознались. Они рассказали, что «первый удар железным ключом от экипажа нанес помещику кучер Савка, отчего Иван Петрович сразу упал», что, «убивши помещика, они выкрутили ему пальцы, обмотали их вожжами, приложили ко лбу подкову и вогнали ее в лоб ключом». Виновных наказали и сослали в Сибирь, но юрасовцы утверждали, что наказаны были не все. Жители Юрасовки очень неодобрительно отзывались об умерших наследниках старика Костомарова, к которым перешли земли и имущество и которых не любил сам помещик. «Он не пускал родню дальше кухни, запирался от них в комнатах и пр.».

По другой версии, в 1833 году один из убийц сознался в совершенном вместе с другими дворовыми людьми преступлении, чувствуя угрызения совести. Он, говея ежегодно во время Великого поста, каждый раз сознавался «на духу»

священнику, что участвовал в убийстве своего хозяина, но духовный отец не считал себя вправе передавать его властям и сохранял дело в тайне, советуя грешнику сделать признание самому и «принять наказание во искупление своего великого греха». Наконец, после семи лет тайного раскаяния, убийца принародно сознался, так как образ помещика не давал ему покоя: по ночам стоял у его постели и упрекал в совершенном убийстве. Когда по распоряжению священника ударили в колокол, убийца припал к могиле и завопил: «Батюшка барин, Иван Петрович! Прости меня окаянного! Я убил тебя, и мне помогли загубить тебя товарищи дворовые крестьяне». Он назвал двоих. Но одного из них, по словам кающегося, уже не было в живых — он умер от болезни в груди, полученной вследствие сильного удара мощного кулака Ивана Петровича, защищавшегося от трех убийц. Другой преступник не сознался, на каторгу не был осужден, как его товарищ, и остался служить новым хозяевам.

Причиной убийства были деньги, но, видимо, в большей мере — чрезмерная жестокость помещика. Когда, по рассказам стариков, это случилось, вся Юрасовка твердила: «Слава Богу! Теперь буде хоть и гириший, та инший!» По воспоминаниям юрасовцев, все хорошее и светлое концентрируется вокруг двух личностей — Николая Ивановича и его матери.

После смерти отца малолетний Николай оказался в положении крепостного, чем и воспользовались законные наследники покойного — его племянники Ровневы. Они шантажировали убитую горем Татьяну Петровну, предложив ей в виде вдовьей части всего 50 000 рублей ассигнациями и при такой части выделенного наследства — свободу сыну. Выбора не было... и она согласилась, купив затем небольшой участок земли с крепостными крестьянами.

ЮНОСТЬ: ГОДЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

Многое изменилось с тех пор в судьбе Николая. Его мать не жила уже в прежнем дворе, а поселилась в другом, находившемся в той же слободе. Николая отдали учиться в Воронежский пансион, который содержали тамошние учителя гимназии Федоров и Попов. Пансион находился в то время в доме княгини Касаткиной, стоявшем на высокой горе, на берегу реки Воронеж, прямо против корабельной верфи Петра Великого, его цейхгауза и развалин его домика. Пансион пробыл в этом помещении целый год, а потом в связи с передачей дома в военное ведомство для школы кантонистов был переведен в другую часть города недалеко от Девичьего монастыря, в дом Бородина. Пансион не отличался добросовестными преподавателями, учили они, что называется, «чему-нибудь и как-нибудь». Хотя из нового помещения не было такого прекрасного вида, как из предыдущего, но зато при этом доме находился огромный тенистый сад с фантастической беседкой. При посещении беседки молодое воображение учеников пансиона рисовало себе разные чудовищные образы, почерпнутые из страшных романов, которые были тогда в большой моде и читались с большим наслаждением тайком от менторов, мало заботившихся о полезном

чтении своих учеников. Пансион, в который на этот раз был помещен Николай Костомаров, был одним из таких заведений. Здесь более всего стремились внешне показать что-то необыкновенное, превосходное, а в сущности мало дающее для надлежащего воспитания. Несмотря на свой тринадцатилетний возраст и шаловливый характер, Николай понимал, что в этом пансионе он не сможет получить знания, необходимые ему для поступления в университет. Уже в эти годы юный подросток думал об университете как о самом важном для того, чтобы стать образованным человеком. Большая часть обучавшихся в этом пансионе принадлежали к семьям помещиков, в которых господствовало мнение, что русскому дворянину не только незачем, но даже унижительно заниматься наукой и слушать университетские лекции. Дворянину приличней нести краткую военную службу с целью получения какого-нибудь чина, а после зарыться в свою деревенскую трущобу к своим холопам и собакам. Вот поэтому в пансионе не изучали предметы, необходимые для поступления в университет. «Само преподавание не было систематическим; не было даже разделения на классы; один ученик учил то, другой иное; учителя приходили только спрашивать уроки и задавать их вновь по книгам. Верхово воспитания и образования считалось лепетать по-французски и танцевать. В последнем искусстве и здесь, как некогда в Москве, — вспоминал Н. И. Костомаров, — я был признан чистым идиотом; кроме моей физической неповоротливости и недостатка грации в движениях, я не мог удержать в памяти ни одной фигуры контрданса, постоянно сбивался сам, сбивал других, чем смешил товарищей и учителей пансиона, которые никак не могли понять, как это я могу вмещать в памяти множество географических и исторических имен и не в состоянии заучить такой обыкновенной вещи, как фи-

гуры контрданса. Я пробыл в этом пансионе два с половиною года и к счастью для себя был из него изгнан за знакомство с винным погребом, куда вместе с другими товарищами я пробирался иногда по ночам за вином и ягодными водицами. Меня высекли и отвезли в деревню к матери, а матушка еще раз высекла и долго сердилась на меня».

Не лучше положение дел обстояло и в Воронежской гимназии, куда мать определила сына в 1831 году, несмотря на отсутствие у него серьезной подготовки по некоторым предметам. «Впрочем, принимая меня в гимназию, — откровенно сообщает Костомаров, — мне сделали большое снисхождение: я очень был слаб в математике, а в древних языках совсем несведущ». Николая приняли в третий класс, приравнявшийся по тогдашнему устройству к нынешнему шестому, потому что тогда в гимназии было всего четыре класса, а в первый класс гимназии поступали после трех классов уездного училища.

Николай Иванович впоследствии сделал портретные наброски своих гимназических учителей.

Так, учителем латинского языка был Андрей Иванович Белинский. «То был добрый старик, родом галичанин, живший в России уже более тридцати лет, но говоривший с сильным малорусским пошибом и отличавшийся настолько же добросовестностью и трудолюбием, насколько и бездарностью. Воспитанный по старой бурсацкой методе, он не в состоянии был ни объяснить надлежащим образом правил языка, ни тем более внушить любовь к преподаваемому предмету. Зная его честность и добродушие, нельзя помянуть его недобрым словом, хотя, с другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы подобных учителей не было у нас более. Вспоминая прежние бурсацкие обычаи, Андрей Иванович серьезно изъявлял сожаление, что теперь не позволяют ученикам

давать субитки¹, как бывало на его родине у дьячков, принимавших на себя долг воспитателей юношества.

Учитель математики Федоров, бывший хозяином пансиона, «был ленив до невыразимости и, пришедши в класс, читал, занесши ноги на стол, какой-нибудь роман про себя либо ходил взад-вперед по классу, наблюдая только, чтобы в это время все молчали; за нарушение же тишины без церемонии бил виновных по щекам. И в собственном его пансионе нельзя было от него научиться ничему по математике. Трудно вообразить в наше время существование подобного учителя, хотя это был человек, умевший отлично пускать пыль в глаза и тем устраивать себе карьеру. Впоследствии, уже в сороковых годах, он был директором училищ в Курске и, принимая в гимназии посещение одного значительного лица, сообразил, что это значительное лицо неблагосклонно смотрит на многоучение, и когда это значительное лицо, обозревая богатую библиотеку, пожертвованную гимназии Демидовым, спросило его, как он думает, уместно ли в гимназии держать такую библиотеку, Федоров отвечал: «Нахожу это излишнею роскошью». Этот ответ много пособил ему в дальнейшей его карьере.

Учитель русской словесности Николай Михайлович Севастьянов был тип ханжи, довольно редкий на Руси, как известно, мало отличающейся склонностью к девотизму; он сочинял акафисты св. Митрофану, постоянно посещал архиереев, архимандритов и, пришедши в класс, более поучал своих питомцев благочестию, чем русскому языку. Кроме того, в своих познаниях о русской словесности это был человек до крайности отсталый: он не мог слушать без омерзения имени Пушкина, тогда еще бывшего, так сказать, идолом молодежи; идеалы Николая Михайловича обращались

¹ Обычай сечь подряд всех учеников по субботам.

к Ломоносову, Хераскову, Державину и даже к киевским писателям XVII века. Он преподавал по риторике Кошанского и задавал по ней писать рассуждения и впечатления, в которых изображались явления природы — восход солнца, гроза, — риторически восхвалялись добродетели, изливалось негодование к порокам. А всегда плотно выбритый, с постною миною, с заплаканными глазами, со вздыхающею грудью являлся он в класс в синем длинном сюртуке, заставлял учеников читать ряд молитв, толковал о чудесах, чудотворных иконах, архиереях, потом спрашивал урок, наблюдая, чтобы ему отвечали слово в слово, а признавая кого-нибудь незнающим, заставлял класть поклоны.

Учитель естественной истории Сухомлинов, брат бывшего харьковского профессора химии, был человек неглупый, но мало подготовленный и мало расположенный к науке; впрочем, так как он был умнее других, то несмотря на его недостатки как учителя в полном смысле этого слова, он все-таки мог передать своим питомцам какие-нибудь полезные признаки знания.

Учитель всеобщей истории Цветаев преподавал по плохой истории Шрекка, не передавал ученикам никаких собственноустных рассказов, не освещал излагаемых в книге фактов какими бы то ни было объяснениями и взглядами, не познакомил учеников даже в первоначальном виде с критикою истории и, как видно, сам не любил своего предмета: всегда почти сонный и вялый, этот учитель способен был расположить своих питомцев к лени и полному безучастию к научным предметам.

Греческий язык преподавал священник Яков Покровский, бывший вместе и законоучителем. Он отличался только резкими филиппиками против пансионского воспитания, вообще оказывал нерасположение к светским училищам, вос-

хвалял семинарии и поставил себе за правило выговаривать так, как пишется, требуя того же и от учеников, чем возбуждал только смех. Это был человек до крайности грубый и заносчивый, а впоследствии, овдовевши, был судим и лишен священнического сана за нецеломудренное поведение.

Учитель французского языка Журден, бывший некогда капитан наполеоновской армии и оставшийся в России в плену, не отличался ничем особенным, был вообще ленив и апатичен, ничего не объяснял и только задавал уроки по грамматике Ломонда, отмечая в ней ногтем места, следуемые к выучке. Только когда припоминались ему по какому-нибудь случаю подвиги Наполеона и его великой армии, обычная апатичность оставляла его и он невольно показывал неизбежные свойства своей национальности, делался живым и произносил какую-нибудь хвастливую похвалу любимому герою и французскому оружию. Хотел бы вспомнить случай, происшедший у меня с ним еще в пансионе Федорова, где он, по выходе Попова, был помощником содержателя и имел жительство в пансионе. Я не поладил с гувернером, немцем по фамилии Ираль; Журден поставил меня на колени и осудил оставаться без обеда. Желая как-нибудь смягчить его суровость, я, стоя на коленях во время обеда, сказал ему по-немецки «хвастун». Я продолжал: эти немцы большие хвастуны, ведь как их Наполеон бил! «Ох как бил!» — воскликнул Журден и, пришедши в восторг, начал вспоминать Невскую битву. Воспользовавшись его одушевлением, я попросил у него прощения, и строгий капитан смягчился и позволил мне сесть обедать.

Немецким учителем был некто Флямм, не отличавшийся особым педагогическим талантом и плохо понимавший по-русски, отчего его предмет не процветал в гимназии. Ученики, как везде бывало на Руси с немцами, дурачились над его

неумением объясняться по-русски. Так, например, не зная, как произнести по-русски слово «акцент», он вместо того, чтобы сказать «поставить ударение», говорил «сделайте удар», — и ученики, потешаясь над ним, все залпом стучали кулаками о тетрадь. Немец выходил из себя, но никак не мог объяснить того, что хотел, и весь класс хохотал над ним.

Еще несколько слов о тогдашнем директоре гимназии фон Галлере. Он отличался тем, что требовал, чтобы каждый ученик, приезжая из домового каникулярного отпуска, считал обязанностью своею принести посильный подарок: кто пару гусей, а кто фунт чаю или голову сахару; директор выходил к ученику в прихожую, распекал его за дерзость, говорил, что он не взяточник и прогонял ученика с его подарком; но в сенях, куда уходил из прихожей ученик, являлась женская прислуга, брала подарок и уносила на заднее крыльцо. Ученик приходил в класс и замечал, что директор во время своего обычного посещения классов показывал к нему особенную ласку и благоволение. Директор несколько лет занимал лично для себя весь бельэтаж гимназического здания, а классы помещались по чердакам; это побудило учителей подать на него донос: приехал ревизор, и директор должен был перейти из гимназического здания на наемную квартиру. Скоро после того начальство устранило его от должности.

Число учеников гимназии в то время было невелико и едва ли простиралось до двухсот человек во всех классах. По господствовавшим тогда понятиям, состоятельные родители и гордившиеся своим происхождением или важным чином считали недостойным отдавать своих сыновей в гимназию: поэтому в этом учебном заведении учились дети мелких чиновников, небогатых купцов, мещан и разночинцев. Плебейское происхождение выказывалось очень часто в приемах

и способах обращения воспитанников, равно как и в упущенности их воспитания, полученного в родительском доме. Грубые ругательства, драки и грязные забавы были обычным в этом кругу. Среди учеников было много лентяев, почти не ходивших в гимназию, а те, которые были поприлежнее, заранее приучены были смотреть на учение только как на средства, полезные в жизни для добывания насущного хлеба». Об охоте к наукам можно судить уже по тому, что из окончивших курс в 1833 году один только Костомаров поступил в университет в том же году. И три его товарища стали студентами тогда, когда Николай был уже на втором курсе.

Во время каникул Николай уезжал домой к матери; иногда за ним присылали экипаж, летом — бричку, а зимой — крытые сани; иногда же он следовал на почтовых. В том и в другом случае путь лежал до Острогожска по столбовой почтовой дороге через села Олений Колодезь, Хворостань и город Коротояк, где переправлялись через Дон. Не доезжая до Коротояка дорога на протяжении сорока верст шла по левому берегу Дона. От Острогожска, если Костомаров ехал на своих лошадях, ему приходилось пробираться до своей слободы по хуторам, которых было множество в этой стороне. До самой слободы он не встречал ни одной церкви. Хуторки, по которым Николай проезжал, «все были вольные, населенные так называемыми войсковыми обывателями, потомками прежних острогожских казаков и их подпомощников. Весь этот край носил название Рыбьянского, и обитатели хуторов, как и города, назывались рыбаками. У них был отличный от других говор и костюм». Впоследствии, побывав на Волыни, Костомаров увидел, что то и другое обличает в рыбаках чисто волынянских переселенцев, тогда как жители других краев на юге Острогожского уезда отличаются от них своим выговором, одеждой и домашней

обстановкой, которые указывают на происхождение из других регионов Украины.

«Если приходилось ехать на почтовых, то путь лежал несколько восточнее, на Пушкин хутор, где переменялись лошади; там была обывательская почта, и, нанявши почтовых, можно было ехать в Юрасовку. Обыкновенно, выезжая из Воронежа, я достигал Юрасовки на другой день, но если ехал на почтовых, то и ранее. Новый дом моей матери был о пяти покоях, на огромном дворе, где кроме дома, амбаров, сараев и конюшен было три хаты, а в глубине двора лежал фруктовый сад, десятинах на трех, упиравшийся в конопляник, окаймленный двумя рядами высоких верб, за которыми тянулось неизмеримое болото. Прежде, как говорят, здесь текла река, но в мое время она вся поросла камышом и осокой, за исключением нескольких плесов, и то летом густо покрытых лататьем¹. В саду было значительное число яблочных, грушевых и вишневых деревьев, родивших плоды вкусных сортов. В одном углу сада был омшеник для пчел, которых моя мать очень любила. Сад по забору был обсажен березами и вербами, я кроме того насадил там кленов и ясней. Любимым препровождением времени во дни пребывания у матери была езда верхом. Был у меня серый конь, купленный отцом на Кавказе, чрезвычайно быстрый и мирный, хотя и не без капризов: стоило только сойти с него, он сейчас вырывался из рук, брыкал задними ногами и во всю прыть бежал в конюшню. Я скакал на нем и по своим, и по чужим полям. Кроме этой забавы я иногда ходил стрелять, но по своей близорукости не отличался особенным искусством; притом же мне и жаль было истреблять невинных тварей. Помню, как один раз я выстрелил в кукушку и убил ее; мне так стало жаль ее, что несколько дней меня словно то-

¹ Лататье — кувшинка.

мила совесть. В летние вакации мои охотничьи подвиги успешнее всего обращались на дроздов, которые густыми тучами садились на вишни и объедали ягоды. Здесь незачем было целиться: стоило пустить заряд дробы по вершинам вишен и подбирать убитых и подстреленных птичек кучами, отдавая потом их в кухню для приготовления на жаркое.

Кроме охоты и верховой езды меня увлекло плавание по воде. За неимением настоящего челна я устроил себе корабль собственного изобретения: то были две связанные между собою доски, на которых ставились ночвы. Я садился в эти ночвы с веслом и отправлялся гулять по камышам. Так как вблизи моего дома плесы не были велики и притом густые корни латаття преграждали путь моему импровизированному судну, то я перевез его за семь верст в чужое имение, где река была шире и чище, ездил туда плавать и часто проводил там целые дни, нередко забывая и обед».

Незадолго до окончания гимназии в семействе Костомаровых случилась новая беда: дом вновь был обворован. Об этом Костомаров сообщает так: «В 1833 году, когда я ожидал уже окончания курса гимназии, случилось в моем доме неожиданное и крайне неприятное событие. Мать моя уехала ко мне в Воронеж на зимних святках. В это время на наш деревенский дом напали ночью разбойники; связали сторожа, покалечили нескольких дворовых людей, забивая им под ногти шилья, жгли свечкою, допрашивая, есть ли у барыни деньги; потом пошли в дом, поотбивали замки в комодах и шкафах и ограбили все. Когда начало производиться следствие, оказалось, что виновником этого разбоя был помещик Валуйского уезда, отставной прапорщик Заварыкин, а в соумышлении с ним был один из наших крестьян-малороссов, другой — из чужих в той же слободе. Виновные были сосланы в Сибирь».

В тот же год открылась и настоящая причина смерти отца Николая Ивановича. Кучер, возивший его в лес, явился к священнику и потребовал, чтобы был собран звоном народ: он на могиле барина объявит всю правду о его смерти. Так и было сделано. Кучер всенародно, припадая к могиле, находившейся близ церкви, возопил: «Барин, Иван Петрович, прости меня! А вы, православные христиане, знайте, что его убили не лошади, а мы, злодеи, и взяли у него деньги, а ими суд подкупили». Началось следствие, потом суд. Кучер обличил двух лакеев, которые, однако, от убийства упорно запирались, но не могли скрыть того, что грабили деньги и ими подкупали суд. К делу привлечен был и повар, но тот запирался и за неимением улик был оставлен в покое. Когда виновных стали допрашивать в суде, кучер говорил: «Сам барин виноват, что нас искусил; бывало, начнет всем отказывать, что Бога нет, что на том свете ничего не будет, что там люди боятся загробного наказания, а мы забрали себе в голову, то значит все можно делать». Убийцы были сосланы в Сибирь.

Окончив гимназический курс, Н. Костомаров в августе 1833 года, выдержав вступительные экзамены, поступил на словесное отделение Харьковского университета, где и продолжал учебу до августа 1836 года. Трехлетний срок обучения был тогда обычным для трех факультетов: этико-политического, словесного и физико-математического. Студенты медицинского факультета учились четыре года. По новому университетскому уставу 1835 года в организацию учебного процесса российских университетов (Московского, Казанского и Харьковского) были внесены изменения. Университеты имели три факультета: философский, юридический и медицинский, причем философский факультет состоял из двух отделений: историко-филологического и физико-математического, со своими деканами. Как главный курс студен-

там первого отделения философского факультета читалась всеобщая история и как дополнительный — студентам юридического факультета.

В то время Костомаров квартировал в доме профессора латинского языка П. И. Сокальского, что и предопределило интерес студента к языкам, особенно латинскому, французскому, итальянскому. Николай Иванович про этот период говорит так: «В первый год моего пребывания в университете я усиленно занялся изучением языков, особенно латыни, которую очень полюбил, и вообще меня стал сильно привлекать античный мир. Воображение мое постоянно обращалось к Древней Греции и Древнему Риму, к их богам, героям, к их литературе и памятникам искусства. Однажды, читая «Илиаду» в подлиннике с переводом Гнедича, мне вздумалось разыграть в лицах сцену, как Ахилл волочил тело Гектора вокруг стен Илиона. Я подговорил своих товарищей, мы нашли маленькую повозку, на которой няньки возили детей Сокальского. Я упросил привязать меня за ноги к этой повозке; один из моих товарищей стал играть роль Ахилла и потащил меня вниз по деревянной лестнице флигеля, где мы жили, а двое других, покрывши головы по-женски, стали на террасе того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли с лестницы по двору. Стук, гам и крик дошли до ушей Сокальского, который в то время сидел с гостями; он выбежал во двор, за ним его гости — профессора, бывшие у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальский сначала принял менторский суровый вид, но потом, узнав, в чем дело, не вытерпел и захохотал во весь голос. За ним начали смеяться и его гости. Меня развязали, и я заметил, что голова моя была в крови, как, впрочем, и следовало по «Илиаде», где говорится: «...глава Приаида, прежде прекрасная, бьется во прахе». Когда после того мы пошли к нему обедать, он,

глядя на меня, не мог удержаться от смеха и говорил своим домашним: “Вот угостили меня! Дали возможность повидать древность в лицах!”»

Совершенное овладение многими языками способствовало глубокому изучению молодым Костомаровым сочинений Ж.-Ж. Руссо, А. К. Сен-Симона, произведений В. Гюго, И. Гете, В. Скотта, В. Шекспира, Ф. Шиллера, трудов польских, чешских, словацких, болгарских, сербских прогрессивных писателей и общественных деятелей, сыгравших важную роль в формировании его мировоззрения. Восхищаясь сочинениями Ж.-Ж. Руссо, Н. И. Костомаров по поводу официально-охранительной точки зрения русского самодержавного общества замечал, что «зло не в Ж.-Ж. Руссо, а в невежественных читателях его произведений».

В жизни Харьковского университета 1835 год был знаменателен, по свидетельству Н. И. Костомарова, тем, что кафедры пополнились новыми молодыми преподавателями.

Именно в этот период происходит формирование научных интересов Н. И. Костомарова. Наибольшее влияние на формирование его как историка оказали лекции профессора всеобщей истории М. М. Лунина, отличавшиеся «богатством содержания и критическим направлением», под влиянием которых, по его замечанию, он с жаром предался чтению и изучению исторических книг. Обучаясь на третьем курсе (1835—1836) и проживая в доме известного украинского поэта П. П. Гулака-Артемовского, бывшего тогда профессором русской истории Харьковского университета, Н. И. Костомаров с большим увлечением занимался историей, много читал «всевозможных» исторических книг, так как хотел знать «судьбу всех народов». Литература в то время также интересовала его, но уже «с исторической точки ее значения». Вспоминая впоследствии годы учебы в университете, ученый

отмечал, что «если бы не было в университете Лунина, то время, проведенное в звании студента, надобно было бы считать потерянным».

Окончив университет с оценкой «хорошо» по богословию, Н. И. Костомаров не смог получить степень кандидата и поэтому вынужден был повторно сдавать экзамены. В январе 1837 года он успешно выдержал экзамены по всем предметам и 8 декабря 1837-го Советом университета был утвержден в степени кандидата, о чем получил свидетельство 28 ноября 1838 года.

Этот период жизни Костомарова также отмечен изучением немецкой философии, получением первых навыков педагогической деятельности, когда он преподавал историю сыновьям профессора П. П. Гулака-Артемовского.

Н. И. Костомаров после окончания университета несколько месяцев служил юнкером в Кинбурнском драгунском полку в Острогожске. За этот срок он изучил великолепный комплекс документов местного архива и подготовил к печати историю Острогожского казачьего полка с приложением основных документов, мечтая «составить историю всей Слободской Украины» (рукопись эта сгинула в полиции после ареста). Никакие жизненные обстоятельства не могли заставить Николая Ивановича свернуть с уже намеченного пути, о котором сам он говорил так: «История сделалась для меня любимым до страсти предметом; я читал много всякого рода исторических книг, вдумывался в науку и пришел к такому вопросу: отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец-труженик, как будто не существует для истории; отчего история не говорит нам ничего о его быте, о его духовной жизни, о его чувствах, спосо-

бе его радостей и печалей? Но с чего начать? Конечно, с изучения своего русского народа; а так как я жил тогда в Малороссии, то и начать с его малорусской ветви. Эта мысль обратила меня к чтению народных памятников».

Идея изучения истории украинского народа оказалась крайне трудно осуществимой. Костомаров чуть ли не наизусть выучил изданные к тому времени былины и сказы, русские и украинские народные песни, подружился с издателем «Запорожской старины» И. И. Срезневским и другими исследователями народного фольклора. Размышляя над методами исторической науки, Николай Иванович решил отправиться в Москву для знакомства с лекциями М. Т. Каченовского, для овладения в совершенстве немецким, а затем польским, чешским, словацким, болгарским и другими языками, открывавшими доступ к сравнительному анализу исторического материала.

Таким образом, уже в студенческие годы практически закладывались основы воззрений будущего замечательного историка о предмете истории и сущности народности, которые были сформулированы им несколькими годами позже так: «Не восхищаться народностью, а знать ее следует. Точно так же — не восхищаться, не любоваться историею прошедшей жизни — наше дело, а уразуметь ее».

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО

Личное знакомство, знакомство с творчеством Г. Ф. Квитки-Основьяненко, И. И. Срезневского, А. Л. Метлинского, А. О. Корсуна, другими известными учеными-славистами, изучение исторических дум, народных сказок сыграло большую роль в развитии у Н. И. Костомарова интереса к фольклористике и этнографии украинского народа. Прежде всего, это знакомство со сборниками «Малороссийские песни» (1827), «Украинские народные песни», изданными М. М. Максимовичем (1834), «Песни русского народа» в издании И. Сахарова (1838—1839), «Запорожская старина» (1833—1838) И. И. Срезневского, «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (1836) П. А. Лукашевича, повести Г. Квитки-Основьяненко, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, диссертация О. М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен» (1837) и др. Под их непосредственным влиянием Н. И. Костомаров пишет и публикует начиная с 1838 года ряд литературных сборников и сочинений, используя фольклорно-исторический материал: «Савва Чалый» (1838), «Украинские баллады» (1839), «Ветка», «Малорусские стихотворения» (1840), «Переяславская ночь» (1841) и др. Как поэт-романтик Н. И. Костомаров соединил в своем творчестве «исто-

рические и легендарные сюжеты, внес в перепевы из украинского фольклора конкретные черты исторического прошлого».

Не меньшим увлечением для Н. И. Костомарова были музыка и поэзия. Он любил слушать музыкальные произведения Л. ван Бетховена, Ф. Шуберта, Ф. Листа, ему очень нравилась музыка М. И. Глинки, Н. И. Лысенко. Он цитировал на языке подлинника стихи И. Гете, «Божественную комедию» А. Данте, не говоря уже о произведениях русских авторов и народного творчества, которые ученый знал превосходно: ему, например, не составляло труда прочесть наизусть былинку «Садко».

Н. И. Костомаров проявлял постоянный интерес к литературной жизни, он высоко оценивал творчество Г. С. Сковороды, Марко Вовчок, М. П. Старицкого, восхищался произведениями И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, но «всего ближе говорил его сердцу» Т. Г. Шевченко.

Историк безмерно любил театр и считал, что сцена должна не только развлекать, но и «быть школою познания жизни, не только настоящей, но и прошедшей».

Не удовлетворяясь чтением, Николай Иванович со свойственной ему неукротимой энергией начал «этнографические экскурсии» по Украине, которые продолжал затем многие годы. Не только русские и польские, но и по происхождению украинские его товарищи тогда «поднимали на смех самую идею писать на малорусском языке», считая «дозволительным глумиться над мужиком и его способом выражения». «Такое отношение к народу и его речи мне казалось унижением человеческого достоинства, и чем чаще встречал я подобные выходки, тем сильнее пристращался к малорусской народности», — писал впоследствии Н. Костомаров. Он обобщил материалы своих экспедиций и насмешникам ответил по-украински прозой и романтическими стихами, издав основанные на фольклорно-историческом материале свои книги и сочинения.

Весной 1838 года Н. И. Костомаров посетил Москву, где слушал в университете лекции профессоров М. П. Погодина, М. Т. Каченовского и др. Именно лекционный курс М. Т. Каченовского (он был представителем так называемой скептической школы) содействовал зарождению критического взгляда Н. Костомарова на некоторые установившиеся в истории взгляды.

В начале 1840-х годов среди университетской молодежи России значительно возрос интерес к общественным проблемам, философии. В Москве возник кружок Н. В. Станкевича. В Харьковском университете сформировался кружок молодежи вокруг брата Н. В. Станкевича — Александра. Н. И. Костомаров вместе с И. И. Срезневским, А. Л. Метлинским, А. А. Корсуном и другими вошли в один из таких магистерских кружков. В те годы Н. И. Костомарова занимали вопросы народной жизни и народного творчества, а также славянских взаимосвязей.

Сын русского дворянина древнего рода и украинской крестьянки-крепостной, впитавший с детства красоту народной песни, не мог не выступить на стороне языка и культуры народа, вскормившей грудью его матери. Православный христианин не считал возможным жертвовать истиной ради интересов духовенства, о чем очень ярко свидетельствует история с защитой первой диссертации.

Осенью 1840 года Н. И. Костомаров сдал магистерский экзамен и получил разрешение писать диссертацию на избранную тему. Позже он вспоминал: «Все лето 1840 года я провел в Харькове, занимаясь историей с целью держать экзамен на степень магистра, сидел буквально дни и ночи и, наконец, подал прошение о допущении меня к экзамену, и в то же время печатался новый сборник моих украинских стихотворений под названием «Ветка». Меня позвали в заседание 24 ноября. Профессор М. Луний экзаменовал меня по всеобщей истории очень строго; испытание продолжалось час и три четверти; я выдер-

жал счастливо. Затем Артемовский-Гулак экзаменовал меня по русской истории до такой степени поверхностно, что я мог бы, не прочитавши ни одной книги, отвечать на его вопросы. Через десять дней позвали меня снова на экзамен по дополнительным предметам: политической экономии и статистике. По первому экзаменовал меня Сокольский, по второму — мой товарищ по студенчеству Рославский. По этим предметам я отвечал удовлетворительно. За экзаменом следовало письменное испытание; меня заставили во время заседания Совета в университетском зале сочинить два рассуждения на заданные темы, одно по всеобщей, другое по русской истории».

В 1841 году Костомаров подает на рассмотрение факультета диссертационное исследование «О причинах и характере унии в Западной России». В своем исследовании он приводит богатый фактический материал о безнравственности православного духовенства, о властолюбии и жадности патриархов, не отличавшихся в этом отношении от пап; о восстаниях казаков и крестьян; о пользе, которую принесла украинскому просвещению необходимость борьбы с унией.

Оставив диссертацию на рассмотрение, Николай Иванович отправился в Крым на отдых, так как по совету врачей недавние обильные приемы лекарств и усиленная умственная работа по подготовке к магистерскому экзамену требовали отдыха. «Протерпевши четыре недели», он «отправился на Южный берег верхом с проводником татаринном, имея намерение объехать весь берег до самого Севастополя, но, доехав до Ялты, утомился и поворотил назад к Алуште; оттуда ездил на вершину Чатырдага и, спустившись с горы, проехал в Симферополь, посетив по указанию проводника исток Салгира. В первый раз в жизни видел я высокие горы и морские берега. Восхождение на Чатырдаг оставило на мне неизгладимое впечатление. На вершине горы представился мне по-

разительный вид горных вершин Яйлы и безбрежной синевы Черного моря. Несмотря на то что день был ясный и очень знойный, на вершине Чатырдага меня пробирав такой холодный ветер, что впору было надевать теплое платье. Пробывши там несколько часов, я стал спускаться уже при солнечном закате и когда был на половине спуска с горы, небо уже темнело. Спускаться с Чатырдага для непривычного человека кажется очень страшно: склона горы не видно сверху вниз, и беспрестанно кажется, как будто летишь в пропасть. Потерявши из вида своего проводника, я до того пришел в страх, что соскочил с лошади и намеревался сходить пешком; лошадь карабкалась по каменной почве такими неровными шагами, что казалось — вот упадет и я с нее полечу вниз; к счастью, мой татарин, завидя, что со мною делается, подъехал ко мне, помог снова сесть на лошадь и успокоил меня, уверяя, что крымские лошади привыкли, как кошки, лазить по горам и никогда не сбросят седока. В темноте съезжать было бесстрашнее, потому что глаз не видел перед собою мнимой пропасти. Съехавши с крутизны, приходилось пробираться лесом, и тут новое неудобство: древесные ветви больно стегали меня то лицу. Дорога, ведущая от Чатырдага к Симферополю, пробирается посреди высоких гор, затейливо поросших кустарниками и деревьями. На дороге встречались фонтаны, устроенные благочестивыми мусульманами.

После Симферополя Костомаров съездил в Бахчисарай, осмотрел тамшний ханский дворец. Николая Ивановича «в особенности пленил огромный зал с тремя фонтанами, из которых один был знаменитый «Фонтан слез», воспетый Пушкиным. Рядом с этим залом — павильон из разноцветных стекол с большим фонтаном посредине, а из павильона — выход к каменному бассейну, куда втекала чрезвычайно холодная вода из двух фонтанов, устроенных один против другого

на противоположных краях бассейна». Костомаров с удовольствием выкупался в этом бассейне, бывшем некогда ханской купальней. В Бахчисарае он познакомился с одним греком, занимавшим должность учителя и смотрителя в уездном училище, вместе с которым совершил путешествие верхом в Чуфут-Кале. Двухдневное пребывание в Бахчисарае оставило следы в литературном творчестве Костомарова: он написал несколько малорусских стихотворений, из них некоторые были напечатаны в «Молодике» И. Бецкого.

Возвратившись снова в Симферополь, Костомаров поехал оттуда в Керчь, здесь с любопытством осматривал боспорские могилы и музеи. Керченские могилы с их останками сильно захватили его воображение: он написал по-малорусски стихотворение, напечатанное впоследствии в «Молодике» Бецкого. «Я изобразил блуждающую тень одного из боспорских царей, которого прах выбросили из могилы древнеискатели, и тень не находит себе покоя, что представлено сообразно известному античному верованию о беспокойном блуждании умерших, лишенных места упокоения. Случайно познакомившись в Керчи с тамошними обывателями, я услышал возмутительные вещи о злоупотреблениях, совершавшихся при раскопке керченских курганов. Так, например, рассказывали, что, раскопавши «Золотой курган», они, не выбравши из него всех вещей, оставили на ночь без караула, и толпа жителей, проведавши это, бросилась туда и разграбила сокровища, которые не успели прежде вынести археологи».

Из Керчи Костомаров поплыл пароходом до Таганрога, где оставались его лошади, и поехал сухопутьем в свое имение, из которого вскоре опять выехал в Харьков.

По приезде в Харьков он узнал, что его диссертация утверждена первым отделением философского факультета, но не всеми его членами. Ее не нашли достойной Гулак-Арте-

мовский и профессор Протопопов. Первый из них находил, что само заглавие ее по близости к современным событиям не должно служить предметом для ученой диссертации; но так как большинство членов утвердили ее, то она была признана и Костомаров начал ее печатать.

Тогда же Николай Иванович сблизился с целым кружком молодых людей, так же, как и он, преданных идее возрождения малорусского языка и литературы; то были: «Корсун, молодой человек, воспитанник Харьковского университета, родом из Таганрога, сын довольно зажиточного помещика; Петренко, бедный студент, уроженец Изюмского уезда, молодой человек меланхолического характера, в своих стихах почти всегда обращавшийся к своей родине и своим семейным отношениям; Щоголев, студент университета, молодой человек с большим поэтическим талантом, его живое воображение чаще всего уносилось в старую средневековую жизнь; Кореницкий, сельский дьякон. Наконец, семинарист Писарев, сын священника, уже писавший по-малорусски и издавший драму «Купала на Ивана»; этот молодой человек владел хорошо языком. Стих его был правилен и звучен, но большого творческого таланта он не показывал».

В журнале «Молодик» Костомаров поместил перевод нескольких «Еврейских мелодий Байрона» и трагедию «Переяславська ніч», написанную пятистопным ямбом без рифм, без разделения на действия, с введением хора, что придавало ей вид подражания древней греческой трагедии.

В тот же период он пишет ряд новых повестей. «Одна из этих предполагаемых повестей — «Сердешна Оксана» — явилась в альманахе «Ластивка», напечатанном Гребенкою в Петербурге; другая — «Покоти-поле» отдана была Бецкому, а третья — «Божьи диты» напечатана в переводе в «Современнике», а по-малорусски никогда не выходила».

Костомаров имел круг и других близких знакомых. «И. И. Срезневского долго не было в Харькове: он был за границей, куда отправился для изучения славянских языков; из других близких мне личностей, принадлежавших к университетскому кругу, я вспомню профессора Александра Петровича Рославского-Петровского, с которым я проживал несколько лет на одной квартире и держал с ним общий стол. В то время он читал статистику, уже после моего отъезда из Харькова был несколько времени ректором, скончался не в очень старых летах. Это был человек с большою начитанностью, огромною памятью, но ленивый, рассеянный и преданный карточной игре, зато очень добросовестный и правдивый. Как профессор он не пользовался большим уважением. Прежде постоянно споривший со мною против моих идей об украинской литературе, он наконец поддался той же идее, стал писать малорусские стихи и напечатал их под псевдонимом Амвросия Могилы, назвавши свой сборник «Думки и писни та ще дещо». Стихи его казались хорошими, плавными, но творческого таланта за ним не признавали. К таким же близким знакомым можно отнести Поликарпа Васильевича Тихоновича, бывшего тогда учителем латинского языка в Первой гимназии, человека трудолюбивого, отлично знающего как латинскую, так и греческую словесность, и прекрасного педагога. Он был со мною постоянно дружен, но оставался совершенно холоден к украинской народности и, занятый своим античным миром, как будто ни во что не ставил все современное. Это был классик в буквальном смысле этого слова. Впоследствии он был профессором и в университете».

Между тем приближался день защиты Костомаровым диссертации. Накануне на стене университета появляется объявление, в котором говорится, что по непредвиденным обстоятельствам защита диссертации Костомарова откладывается на неопределенное время. Декан факультета на

вопрос Николая Ивановича об этом сообщил ему, будто архиерей Иннокентий написал какую-то бумагу помощнику попечителя учебного округа, в которой предлагает остановить защиту диссертации Костомаровым до получения разрешения от министра просвещения. Так как тогдашний попечитель учебного округа граф Головкин был очень стар и не занимался этими делами, то все управление делами округа находилось в руках его помощника князя Цертелева. Николай Иванович отправился к нему и узнал, что действительно архиерей Иннокентий сделал такое заявление. «Я обратился к Иннокентию. Архиерей сказал мне, что он не имеет против меня ничего в цензурном отношении, а только готовится оспаривать меня дискуссионным образом. Я увидел в словах архиерея неискренность».

Прошло между тем более месяца; Костомарова известили, что министр народного просвещения, которым был тогда граф Сергей Семенович Уваров, прислал подготовленную профессором М. Устряловым рецензию на диссертацию Николая Ивановича и вместе с ней предписание уничтожить все экземпляры, которые были напечатаны, а Костомарову позволить писать иную диссертацию. Так как, кроме профессоров и близких знакомых, он не успел ее пустить в публичную продажу, то ему поручили самому объездить всех тех, у кого находилась или могла найтись эта диссертация, отобрать все экземпляры и представить в Совет университета для сожжения. Все это он сделал; но большая часть профессоров, к которым Николай Иванович ездил, отговорились неимением у себя экземпляров под разными предлогами, и вместо ста экземпляров, которые были розданы, Костомарову удалось возвратить в правление менее двадцати. Все возвращенные экземпляры были преданы огню. «Я был в полной уверенности, что все это дело Иннокентия, и в такой уверенности ос-

тавался очень долго; в Петербурге же в шестидесятых годах мне говорили занимавшиеся архивными делами в министерстве Уварова, что не Иннокентий был причиною сожжения моей диссертации, а один из харьковских профессоров, пославший на меня извет министру. Однако из биографии архиерея Иннокентия, напечатанной в «Русской старине» 1878 года, следует главное участие преосвященного Иннокентия в тогдашнем задержании моей диссертации. Будучи в то время убежденным в виновности архиерея Иннокентия, я, однако, не прекратил с ним знакомства; он говорил мне, что нимало не причастен в этом деле, был со мною постоянно ласков и приглашал к себе. Так было до моего выезда из Харькова».

Так церковная власть, царская цензура и правительственные чиновники пришли к выводу о том, что представленное к защите исследование Н. Костомарова недостойно ученой степени как по характеру избранной темы, так и по причине широко приводимого фактического материала о безнравственности православного духовенства, тяжелых поборках с народных масс, а главное — о восстаниях крестьян и казаков.

Весной 1843 года Н. Костомаров подал в Харьковский университет новую научную работу — первую в Украине историко-этнографическую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии», которую защитил 13 января 1844 года, несмотря на сопротивление части консервативной профессуры. На защите присутствовал и друг Николая Ивановича А. Корсун, который вспоминал: «Архиерей Иннокентий обратился к ректору П. Гулак-Артемовскому: «Вы, Петр Петрович, пожалуйста, воспитывайте молодых в духе уважения старших ученых, таких как Карамзин. А то, смотрите, на такой-то странице Н. Костомаров опровергает Карамзина». На это ректор ответил: «На каждого мудреца достаточно простоты, ваше высокопреосвященство; только

Бог без греха, а Карамзин — человек». На этом разговор и закончился. Николая Ивановича поздравили, он был утверждён в степени магистра».

А вот как на это реагировал сам Николай Иванович: «Диссертация моя была рассмотрена, одобрена и зимою напечатана. По ее поводу я сошелся с профессором М. Луниным; хотя прежде я часто слушал его на лекциях и глубоко уважал, но должным образом не был с ним знаком. Теперь меня свело с ним то, что моя диссертация ему особенно понравилась и он вполне сочувствовал моей мысли о введении народного элемента в науку истории. Как человек с европейским образованием, он способен был смотреть шире других ученых мужей старого закала. День защиты моей диссертации назначен был 13 января 1844 года. Моими оппонентами были профессора Якимов и Срезневский. Они потребовали от меня доказать, что здесь есть какая-нибудь поэзия. Прежде чем я собрался отвечать им, Лунин засмеялся и сказал: «Это равно, если бы рассечь человека по частям и потребовать, чтобы показали, где у него душа; ни в ноге, ни в руке, ни в ухе, ни в носу нету, а весь человек живой — с душою». По окончании защиты меня провозгласили получившим степень магистра исторических наук. В общественном мнении, моя диссертация получила сочувственный отзыв только в одном «Москвитянине», в статье, написанной Срезневским; в других журналах — «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках» — ее приняли не так ласково. В «Библиотеке для чтения», которою заправлял тогда Сенковский, мои мнения о важности народной поэзии для историка подали только возможность поглумиться и позабавиться над моей книгою. Впрочем, замечательно, что тот же Белинский, еще в 1839 году разбирая в «Отечественных записках» моего «Савву Чалого» и «Украинские баллады», признал за мною несомненный талант».

Во второй диссертации Н. И. Костомаров провел, как он выразился, «свою задушевную мысль об изучении истории на основании народных памятников и знакомства с народом», обращения к жизни народа в ее многообразии, тем самым поставив одной из первых в то время в украинской историографии новую актуальнейшую проблему, заняв в науке свое отдельное место. «...История скользила только по дворцам да армиям, нацией признавались одни привилегированные классы и никто не считал нужным знать,— отмечал Н. И. Костомаров,— как говорит, чувствует, думает, живет народная масса».

В течение 1842—1843 годов, не имея достаточных средств, кроме написания диссертации и научных занятий, Николай Иванович работал помощником инспектора студентов Харьковского университета и был представлен к чину коллежского секретаря. В этой новой должности Николаю Ивановичу пришлось проявить и свои личные качества: решительность, открытость, честность, нетерпимость к лицемерию. Так, однажды к нему, как к помощнику инспектора, обратился священник местной церкви с требованием утихомирить студентов, которые устроили громкую овацию своей любимой актрисе Протасовой во время обряда ее венчания. Николай Иванович отказался прибыть на место события и выполнять роль полицейского и осведомителя, не страшась получить взыскание от университетского начальства.

В это же время Н. Костомаров пытался обзавестись семьей и устроить свою личную жизнь. Но богиня любви Афродита не дала своего благословения. Его сватанье завершилось дуэлью с каким-то офицером, который отбил у него невесту. Этот инцидент послужил поводом к отставке с занимаемой должности. Как иронично отметил сам Костомаров: «Разве возможно было доверить воспитание студентов такому горячему господину!»

Прослужив в должности помощника инспектора студентов в Харьковском университете с августа 1842-го по апрель 1843 года, Н. И. Костомаров, осознав свою неспособность к выполнению некоторых обязанностей по данной должности, подал в отставку.

В мае 1843 года он приступил к работе над историей времен Б. Хмельницкого и уже в третьей книге И. Бецкого «Молодик» (1843) опубликовал свои первые исторические опыты: «Русско-польские вельможи. I. Князя Острожские» и «Первые войны малороссийских казаков с поляками». В этом же сборнике он выступил с критической статьей «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке», в которой высказал важное для своего времени мнение о деятельном участии различных народов России в преобразовании литературы.

После увольнения из университета Н. Костомаров отказался от должности преподавателя в Орле и начал преподавать русскую историю в мужском пансионе Зимницкого.

Этот период харьковской жизни ученый считает одним из наиболее плодотворных. Именно в это время он знакомится со знаменитыми ныне казацкими летописями Величко, Самовидца, Грабянки и многими другими важнейшими памятниками украинской истории казацкого времени, большинство которых потом было издано им и его единомышленниками (И. И. Срезневским, О. М. Бодянским и др.).

Из огромной массы собранных им источников медленно вырастал его «Богдан Хмельницкий» — эпопея мощного народного движения против иноверных угнетателей, народной войны «за волю». Желая более глубоко изучить период Хмельницкого, ученый изыскивает возможности для получения места преподавателя в Киевском учебном округе.

После защиты диссертации работа над историей Богдана Хмельницкого настолько увлекла Костомарова, что вызвала в нем сильное желание побывать в тех местах, где происходили описываемые им события. С этой целью он обратился к князю Цертелеву с просьбой ходатайствовать перед попечителем Киевского учебного округа о возможности получения им места в Киевском учебном округе.

По этой просьбе в конце сентября 1844 года князь Цертелев известил Костомарова, что киевский попечитель предлагает ему взять на первых порах должность учителя истории в Ровенской гимназии и для этого предлагает Костомарову приехать в Киев. Седьмого октября вечером Костомаров выехал из Харькова на почтовых, провожаемый матерью и толпою харьковских знакомых. По прибытии в Киев он явился к попечителю Давыдову, но тот на его объяснение о приглашении сказал, что ничего об этом не знает, и поручил обратиться к его помощнику М. Юзефовичу. Николай Иванович отправился к последнему. Помощник попечителя Киевского учебного округа М. Юзефович принял его радушно, говорил, что читал диссертацию Костомарова, наговорил по ее поводу множество комплиментов и подтвердил его назначение учителем гимназии в Ровно, где

свободное от преподавания время он может посвятить обзору исторических местностей и памятников местной истории. Во время этого посещения вошел молодой человек, которого Юзефович познакомил с Костомаровым. Это был Пантелеймон Александрович Кулиш. Так состоялось первое знакомство будущих единомышленников. Кроме П. Кулиша, в этот приезд в Киев Н. И. Костомаров впервые встретился и лично познакомился с М. А. Максимовичем и другими известными литераторами и учеными, осмотрел разные киевские достопримечательности. Он высоко ценил вклад М. А. Максимовича в развитие украинской историографии и фольклористики, отмечал, что этот учений первым «расчистил тропу, по которой вслед за ним пошли другие, превращая эту тропу в торную дорогу». Вот как это описывает сам Костомаров: «С Кулишом разговор зашел об источниках малорусской истории, и мы обоюдно с удовольствием узнали, что нам обоим были знакомы одни и те же источники. Выходя от Юзефовича вместе с Кулишом, я отправился в соборную церковь Святой Софии. Походивши в Софиевском соборе, я отправился к Кулишу, который занимал тогда должность смотрителя уездного училища на Подоле. Когда мы заговорили о собрании песен, Кулиш вынул огромный ворох бумаг: то было его собрание народных песен. Сам я в ожидании подорожной и подъемных денег для следования в Ровно поселился на Подоле у какого-то мещанина, неподалеку от Братства. С тех пор я виделся с Кулишом почти каждый день; мы ходили с ним по Киеву и осматривали разные киевские достопримечательности; он же познакомил меня с М. А. Максимовичем, жившим в Старом городе».

Пробыв в Киеве дней десять и получив требуемое жалованье, Костомаров отправился в Ровно.

Дорога шла среди дремучих лесов. Погода была все время необыкновенно дождлива. От Киева до Ровно, как при-

знается Николай Иванович, не видел солнца «и платье мое не обсыхало». Несмотря на это, он остановился в Корце, где обозрел развалины старого замка, — потом был в Остроге. Осмотрев Острог, он отправился далее в путь и в тот же день ночью прибыл в Ровно. «Этот грязный иудейский городок, где суждено мне было проживать, с первого же вида показался мне очень неприветливым, особенно при страшной грязи и при совершенном отсутствии наемных лошадей; к счастью, он так мал, что куда бы ни пойти, все не будет далеко», — вспоминал Николай Иванович.

Наутро Костомаров явился к директору Абрамову, будущему своему начальнику, был им принят довольно сухо, хотя и вежливо, и принялся искать себе квартиру для жилья. Николай Иванович нашел очень приветливых хозяев, старика и старуху, говоривших на чистом малорусском языке; с ними в одном дворе, только в другом доме, жил их зять, учитель латинского языка. «Я нанял квартиру, которая поразила меня необыкновенною дешевизною: с меня взяли десять рублей в месяц за две комнаты со столом и стиркою белья. Когда я перебрался в свое новое помещение и отправился к моим новым хозяевам на трапезу, меня поразило обилие яств и радушие хозяев. Каждый раз было разливное море «старой водки» и домашней наливки превосходного качества; кушанья были приготовлены довольно грубо на сале, но в большом изобилии и из хорошего материала. Так начал я жить изо дня в день, посещая уроки.

В гимназии было до трехсот учеников; большинство составляли местные уроженцы римско-католического исповедания, православных было всего тридцать пять человек, но они по образу первоначального воспитания, кроме вероисповедания, ничем не отличались от остальных. Сверх того было несколько учеников иудейского происхождения. Боль-

шая часть училась хорошо, лентяи составляли значительное меньшинство, все вели себя благочинно: не происходило никаких грязных шалостей, которыми, как известно, отличались многие гимназии в центре России. Учеников польского происхождения, живших в пансионе или на общих квартирах, устроенных при гимназии, обязывали «непрерывно говорить между собою по-русски», но это соблюдалось ими только по нужде и с явною неохотою. Учителя принадлежали к малоруссам левой стороны Днепра».

Из учителей Костомаров сблизился наиболее с учителем латинского языка Чуйкевичем и математики — Яновским; «первый знал много малорусских песен, часто приходя ко мне, пел их, доставляя мне большое удовольствие, а последний почти каждый день играл со мною на биллиарде».

В этот период Н. И. Костомаров основательно познакомился с сочинениями А. Мицкевича, а позже — с произведениями И. Лелевеля и других польских писателей и публицистов. Его мысли все чаще обращались к реальной действительности, о чем свидетельствуют письма, отправленные им из Ровно разным лицам. Так, интересны мысли Н. И. Костомарова, изложенные в письме К. М. Семеновскому (1844), тем более, что оно писалось незадолго до основания Кирилло-Мефодиевского общества. Николай Иванович писал: «...я с жадностью на каждом шагу расспрашивал о быте здешнего народа (признаюсь, это меня более занимает теперь, чем даже народная поэзия) и получил ужасающие сведения. Каторга лучше была бы для них! Не говоря уже о том, что бедный русский крестьянин работает помещику вместо указанных трех дней целую неделю, а себе во время рабочее уделяет только праздники... Одним словом о крестьянах здешних в XIX веке остается то же сказать, что говорил Боплан в XVII веке».

В Ровно в свободное от педагогической деятельности в гимназии время Н. И. Костомаров совершал путешествия по соседним историческим местам с целью поиска материалов, которые могли бы служить источниками исторических исследований, и сбора фольклора. Он осмотрел Кременец, Почаев, Вишневец, знаменитое Берестечко и другие исторические места.

Так, на Рождественских святках, сговорившись со священником единственной ровенской церкви Омелянским, Костомаров посетил «Дерманский монастырь, в котором проживал Отрепьев, и Гощу, где в XVI веке в имении Томского был главный притон арианской секты с училищем в духе армянского учения и где в числе учеников был и всем известный Самозванец».

Перед Пасхой в 1845 году Костомаров предпринял путешествие в Кременец, а затем в Почаевский монастырь, где был принят архимандритом. Вот что он вспоминал: «Прием в Почаевском монастыре показался мне отличным от обыкновенного русского, он был особенно веселый и напоминал мне мотивы эпоса, знакомые с детства. Церковь почаевская — одна из просторнейших, какие я видел в России, — сохранила сильные следы прежнего католичества. После обеда вслед за архимандритом они пошли в обширную залу с накрытыми столами, на которых были расставлены пасхальные блюда, но без мясных кушаньев. После хорового пения «Христос Воскресе» все принялись закусывать, а потом тут же начался обед, несмотря на то что было время только солнечного восхождения. Обед состоял из двух рыбных кушаньев и сливочного крема; я заметил, что братия, в которой я насчитывал восемнадцать человек, ничего не ела. После обеда архимандрит пригласил нас в келию, и там увидели мы расставленный на столе обильный запас всяких мясных куша-

ньев, колбас, поросят, индеек и множество бутылок с наливкою и вином. Архимандрит объяснил нам, что у них трапеза бывает только для приличия, а все они утешаются по кельям». Костомаров пробыл в монастыре трое суток, где его принимали с большим гостеприимством и радушием архимандрит и братия. Николай осмотрел монастырскую библиотеку, которая оказалась очень богатой старопечатными русскими книгами благочестивого содержания, но не имел времени ознакомиться с ними подробнее. «Почаевский монастырь пользуется большим уважением не только у православных, но и у католиков и униатов. Я видел там множество пришельцев обоего пола из Галиции, заговаривал с ними и нашел, что у них наречие и говор ничем не отличаются от волынцев. Почаев лежит на границе Австрии. С монастырской террасы живописно виднеется Подкарпатье с католическим монастырем, находящимся уже в пределах Галиции».

Из Почаева он направился в Вишневец с целью осмотреть там замечательную картинную галерею с фамильными портретами князей Вишневецких, библиотеку с рукописями и множество древних фресок. Граф Мнишек допустил Костомарова к себе, принял довольно холодно и на просьбу Николая Ивановича осмотреть его замок сказал, что там нет ничего любопытного; потом призвал служителя и, отдав ему ключи, велел вести гостей по комнатам замка, но приказал не заводить их в библиотеку, где, как он сказал, рукописи находятся в беспорядке. «Это мне показалось очень прискорбным; я понял, что не увижу того, что меня особенно интересовало и побудило искать знакомства с польскими магнатами». С особенным любопытством рассматривал Костомаров портреты Вишневецких, развешанные по зеркальным стенам, и с сердечным участием встречал многие знакомые ему по истории лица. Обойдя замок, насколько это было позволено, гости

отправились к хозяину и получили приглашение идти к нему в сад. Этот сад был некрасив и запущен. Мнишек сидел под деревом с книгой в руках, выслушал благодарность Костомарова и пригласил к четырем часам обедать. Время, оставшееся до обеда, Николай Иванович употребил на осмотр старой православной церкви, где был погребен Михаил Вишневецкий, последний из Вишневецких, умерший в православной вере. Это был отец знаменитого Иеремии и муж Раины Могилянки, родственницы митрополита Петра Могилы и ревнительницы православия, основавшей Густынский монастырь в Прилукском уезде Полтавской губернии. Через два дня Костомаров выехал назад в Ровно.

Наступило в гимназии время экзаменов, и тут Николай Иванович получил из Киева известие, что его переводят учителем истории в Первую киевскую гимназию. Приходилось прощаться с Ровно и Волынью. «Я уехал отсюда с большим ворохом народных песен и записанных преданий и рассказов; некоторые были собраны мною лично, другие доставлялись моими учениками, которых я заохотил по случаю поездок их к родным на вакационное время собирать и доставлять мне народные памятники».

Приехав в Киев, Николай Иванович узнал, что относительно его перевода дела улажены, и, пользуясь наступлением летних вакаций, отправился в Воронежскую губернию к матери на почтовых через Глухов и Курск.

Во время вакаций Костомаров съездил в Дивногорский монастырь, расположенный в удивительно красивой местности над Доном, близ устья Тихой Сосны.

В августе 1845 года Николай прибыл в Киев и занял свою новую должность учителя Первой киевской гимназии. Сначала он проживал в Старом городе, потом нанял квартиру на Крещатике вместе с выпускником Афанасием Марко-

вичем, горячим любителем южнорусского языка и ревностным местным этнографом. Прошло несколько месяцев, и в ноябре 1845 года Костомаров получил от матери письмо, в котором она жаловалась на ухудшающееся здоровье и изъявляла желание продать имение и переехать к нему в Киев. «Я сообразил, что держать имение за девятьсот верст от Киева и ездить на него на перекладных не совсем удобно, и предположил продать имение в Острогжском уезде, а вместо этого купить где-нибудь по соседству с Киевом. С этой целью я отправился к матери в декабре 1845 года. Медлить было нечего, потому что нашелся хороший покупатель по имени. По приезде в свою слободу я немедленно послал нарочного к помещику, желавшему купить имение, а тот прислал ко мне своего поверенного, дворового человека, с деньгами. Мы отправились в Воронеж и в течение нескольких дней совершили купчую крепость. Возвратившись назад, я попрощался с углом, который считал своим много лет, и отправился на почтовых через Харьков в Киев. По дороге между Полтавой и Киевом я простудил себе горло и получил нарыв; в таком состоянии прибыл я в Киев на первый день Рождества. Квартира моя оказалась нетопленною: товарища моего Марковича не было в городе, и я вынужден был приютиться в какой-то грязной гостинице, находившейся на Крещатике на углу Бессарабской площади. Здесь мой знакомый, проживавший в Киеве, Н. Гулак, пригласил меня переехать к нему и жить до приезда ко мне матушки, после чего я собирался уже отыскать себе особую квартиру. Болезнь горла потребовала операции, которую мне сделал профессор Караваев, проколовший нарыв в горле, и я оставался в квартире у Гулака до февраля», — пишет в своей «Автобиографии» ученый-историк.

С августа 1845 года Костомаров работает старшим учителем истории в знаменитой мужской Первой киевской (Александровской) гимназии, параллельно преподает общую и русскую историю в частных пансионах, а позже — в Киевском институте благородных девиц.

Отличаясь прекрасной памятью, незаурядным лекторским мастерством и широкой эрудицией, молодой ученый преподавательскую деятельность совмещает с интенсивными научно-историческими студиями, изучая период Б. Хмельницкого, подготавливает к изданию «Летопись» С. Величко, а в 1847 году публикует свою славноизвестную «Славянскую мифологию».

1 февраля 1846 года мать Николая Ивановича приехала в Киев, и с этого времени начался для него иной род домашней жизни: бытового комфорта. Вместе с матерью он поселился на Крещатике в доме Сухоставской.

Частыми собеседниками Н. Костомарова в этот период были Н. Гулак, В. Белозерский, А. Маркович и учитель Д. Пильчиков; нередко заходил к Николаю старый профессор бывшего Кременецкого лицея Зенович.

В июне 1846 года после прочтения Костомаровым пробной лекции «Изложение истории русских славян от древнейших вре-

мен до образования Гуннского государства» Совет Киевского университета Св. Владимира утверждает его адъюнктом кафедры русской истории. Университетская атмосфера, в которую попал молодой преподаватель, в то время не отличалась симптомами национальной враждебности, которые будут характерны для Киевского университета впоследствии. Они, по замечаниям самого Костомарова, тогда еще были в зародыше или, по крайней мере, не смели проявляться слишком рельефно при зорком контроле со стороны генерал-губернатора Д. Г. Бибикова.

Однажды этот генерал-губернатор на университетском собрании после ухода из зала публики приказал остаться всем профессорам и студентам университета и произнес перед ними грозную и вместе с тем странную речь. Он объявил, что до него дошли слухи о тайных собраниях студентов, дерзающих обсуждать политические вопросы, «и по этому поводу делал угрозы, что если он еще услышит что-либо подобное, то по данному ему от государя праву закроет университет, а виновных сошлет в ссылку». При этом он шутил советовал студентам вместо политических вопросов заниматься лучше женщинами и кутежами, ибо за это он не будет никого преследовать. Эту милую шутку, выраженную, правду сказать, довольно цинично, университетская молодежь приняла вовсе не так сочувственно, как, по видимому, ожидал оратор; напротив, когда студенты расходились по домам, то между ними слышались замечания о совершенной непристойности такого совета из уст высшего начальника края в стенах высшего учебного заведения.

Тогдашняя политика российских властей, направленная на русификацию края, привела к тому, «что поляки не смели себя называть поляками, а называли себя католиками, что выходило забавно: слово «католик» в Киевском крае теряло свое повсеместное значение вероисповедания и стало означать как бы какую-то национальность; но, отличая себя католиком,

поляк, однако, ни за что бы не назвал себя русским, потому что в этом крае и слово «русский», наоборот, перешло как бы в значение вероисповедания». Поляки исключительно говорили по-польски и не хотели говорить по-русски; приобретая знание русского языка поневоле в училище, поляк считал как бы нравственной необходимостью поскорее забыть его. Языком интеллигенции и аристократии во всем крае в большинстве случаев был исключительно польский, и даже крестьяне поневоле должны были усваивать его. Но судя по экзаменам, как вступительным, так и переводным, по меткому наблюдению Н. Костомарова, поляки вступали в университет с лучшей подготовкой, чем русские, и это зависело уже не от школьного образования, а от первоначального домашнего.

По воспоминаниям Николая Ивановича, «киевские студенты того времени мало были принимаемы в обществе, за исключением немногих семей сыновей богатых помещиков или влиятельных особ. Между профессорами и студентами мало было примеров товарищеского общения, да и начальство, видимо, не желало его, а поддерживало в профессорах потребность держать себя со студентами начальствующим образом. Были даже примеры, когда профессорам делались замечания, что они обращаются запанибрата со студентами, при этом им указывалось, что этим они роняют свое достоинство». Такое замечание получил и Костомаров вследствие того, что начал приглашать к себе по вечерам студентов, в которых замечал особую склонность к читаемому им предмету. «Причиной тому был господствующий тогда в обществе в целом дух субординации и боязнь возникновения политического вольнодумства, которое, как полагали начальствующие лица, могло появиться у молодежи, близко знакомившейся с духом и идеями своих наставников. Понятно, что при таких натянутых отношениях между профессорами и студентами нельзя было ожидать никакого положительного влияния наставников на учащихся.

Профессор довольствовался тем, что отбарабанил свою лекцию, мало обращая внимания, как легла на душу слушателей эта лекция и что она пробудила в их сердце и уме, а студент считал себя выполнившим свою обязанность тем, что вызубрил записанную им профессорскую лекцию и буквально проговорил ее на экзамене или на репетиции. Таким образом, из этого очерка духа, господствовавшего в университете того времени, даже и при некоторых профессорах, отличавшихся дарованием и преданных науке, не могло возникнуть ничего живого и богатого задатками для будущего».

В это же время познакомился с Н. Костомаровым известный польский археолог, граф Свидзинский. Узнав, что Николай работает над изучением Б. Хмельницкого, привез ему в подлиннике и в списке с подлинника летопись Иерлича, позволив Костомарову пользоваться ею для своей истории, а затем дал обещание и в дальнейшем доставлять Николаю рукописные материалы, относящиеся к истории казаков, а этих материалов у него было много.

Киевский период жизни Н. Костомарова отмечен не только активной педагогической, научной, общественной деятельностью, дружбой с Т. Шевченко, но и решением вопросов личной жизни: он принял решение о женитьбе на очаровательной и одаренной киевлянке, его ученице — Алине Крагельской, с которой был обручен.

Профессорская карьера молодого ученого складывалась также достаточно успешно. Как свидетельствует университетский отчет, Николай Иванович читал лекции по истории России по четыре часа в неделю, опираясь на собственные конспекты и обработанные источники. Протоколы Совета университета за 1847 год свидетельствуют об авторитете Н. Костомарова среди университетского начальства: он был назначен членом комитета по проведению экзаменов для абитуриентов университета по всеобщей и российской истории.

ДРАМА ЖИЗНИ

В киевский период не только научные интересы поглощают ум молодого ученого. Явления общественной жизни не остаются вне поля зрения молодого человека. Так как болезнь и связанный с ней период постепенного выздоровления не позволяли Н. Костомарову часто бывать на свежем воздухе, то много времени он проводил в разговорах с Н. Гулаком, учил вместе с ним сербский язык. Часто к ним приходил их общий приятель Василий Михайлович Белозерский, по окончании курса в университете проживавший в Киеве в надежде найти себе служебное место. Потом стал ходить к ним и Афанасий Маркович, возвратившийся в город от брата, у которого гостил. Эти дружеские беседы обращались более всего к актуальной тогда идее единения славян.

«Нужно сказать, что то было время, когда осознание этой идеи было еще в младенчестве и отличалось тою свежестью, какую она уже потеряла в близкое к XX столетию время. Тем тусклее она представлялась в головах, чем менее было обдуманых образов для этой взаимности, тем более в ней было полно таинственности, привлекательности; тем с большей смелостью создавались предположения и планы, тем более казалось возможным то, что при большей обдуманности

представляло тысячи препятствий к осуществлению. Взаимность славянских народов в нашем воображении не ограничивалась уже сферой науки и поэзии, но и стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Мимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций. Мы стали воображать все славянские народы соединенными между собою в федерации подобно древним греческим республикам или Соединенным Штатам Америки, с тем, чтобы все находились в прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдельную автономию. Федерация только по одним народностям не оказалась для нас вполне удобною по многим причинам, в особенности по количественному неравенству масс, принадлежавших к народностям. Какое на самом деле союзничество на основаниях взаимного равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русского народа с неизмеримыми пространствами его отечества? Мы пришли к результату, что с сохранением народностей необходимо другое деление частей будущего славянского государства для его федеративного строя. Таким образом, составила мысль об административном разделении земель, населяемых славянским племенем, независимо от того, к какой малой народности принадлежит его племя в той или другой полосе обитаемого им пространства», — отмечал впоследствии Н. Костомаров.

По его мнению и мнению его друзей, «во всех частях федерации предполагались одинаковые законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и инспекций торговли, всеобщее уничтожение крепостного права в каком бы то ни было виде, единая центральная власть с единым

войском и флотом. Путем к достижению этой идеи в будущем предполагалось воспитание общества в духе этих реформ, поэтому было необходимым, чтобы в университетах и в учебных заведениях были люди, искренно преданные этим идеям и которые могли внедрять их в юные поколения. С этой целью планировалось создать общество, задача которого была бы распространить идею славянской взаимности — литературными путями».

В форме проекта был составлен устав такого общества, главными условиями которого были свобода вероисповедания и свобода развития национальностей. Говорилось, что такое общество ни в коем случае не должно включать в своей деятельности что-нибудь имеющее хотя бы тень возмущения против господствующего общественного порядка и установленных правил жизни властью. Изучение славянских языков и литературы ставилось первым делом в образовании.

Товарищи Костомарова по Славянскому обществу, искренне увлекшись идеей такого общества, решили и самому обществу дать название «Общество Кирилла и Мефодия, славянских апостолов». «Мысль об основании общества вскоре была забыта, после того как я, оправившись от болезни, стал ездить в гимназию на должность и с приездом ко мне мамы на постоянное жительство нанял другую квартиру; но мысль славянского единения и славянской федерации глубоко оставалась у нас как заветная в жизни».

Однажды на Рождественские святки в Киев приехал старинный знакомый Н. Костомарова, бывший некогда студент Харьковского университета Н. Савич, помещик Гадячского уезда. Он ехал в Париж. В первый день Рождества они пошли с ним в гости к Н. Гулаку, который проживал в Старом городе, в доме священника Андреевской церкви. Кроме него гостем

Гулака был Тарас Шевченко. Разговоры коснулись славянской темы; естественно, заговорили и о заветной идее будущей федерации славянских народов. Шевченко, как водится, высказывался не совсем цензурным языком, говоря о существующем строе. Они разговаривали, не стесняясь и не подозревая, что их речи кто-нибудь мог подслушивать. Но за стеной, у того же священника, квартировал студент по фамилии Петров; он слушал их беседу за стеной и на другой же день, сошедшись с Гулаком, начал горячо поддерживать идею славянской федерации и притворился великим поборником славянского единения. Гулак имел неосторожность со своей стороны открыть ему общие черты этого общества. Это только и нужно было Петрову. Пытаясь выслужиться перед Тайной полицией, мечтая о карьере в жандармском ведомстве, он написал донос, через три месяца после которого и последовал арест. К тому времени Н. Костомаров написал небольшое сочинение о славянской федерации, которому старался придать звучание, близкое по слогу Библии. Сочинение это называлось «Закон Божий»; оно Гулаку очень понравилось, и он переписал его себе, а потом показал студенту Петрову. В. Белозерского в то время уже не было в Киеве; он отправился в Полтаву учителем в кадетский корпус. У него была также копия этого сочинения.

Главные программные документы братства — «Книга бытия украинского народа» (написанная Костомаровым) и «Устав» (составленный В. Белозерским, Н. Гулаком и Н. Костомаровым), а также подготовленные ими воззвания «Братья украинцы» и «Братья великороссияне и поляки». Они свидетельствуют о том, что братчики ставили целью перестроить тогдашнее общество на принципах христианского братства, равенства, свободы, справедливости, гармонии и т. д. путем реформ, направленных на ликвидацию крепостничества,

провозглашение сословного равенства, гармоничного сосуществования народов и их национальных культур при широком культурном просвещении народа.

Члены Кирилло-Мефодиевского братства не были единокорны во взглядах на пути реализации своих идей, на выбор средств общественных преобразований. Их взгляды имели широкий спектр: от христианско-просветительского реформизма (Н. Костомаров) до социального радикализма (Н. Гулак).

В организационном плане общество не имело четкой структуры, и количество его членов по разным, часто довольно противоречивым, сведениям и интерпретациям, называется очень разное. Ибо сам Николай Иванович незадолго до своей кончины отмечал, что «тайного общества со всеми его атрибутами: выборами, председателем, секретарями, членскими взносами, отчетами — не существовало».

Таким образом, в интеллектуальном плане значительное влияние на деятельность братчиков имели идеи европейского романтизма, идеи панславизма и национального возрождения славянских народов.

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ И ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Когда Костомаров вместе со своей матерью проживал на Крещатике в доме Сухоставской, через несколько домов, на противоположной стороне, в гостинице квартировал Тарас Григорьевич Шевченко, приехавший тогда из Петербурга в Киев с намерением найти себе должность. «Около месяца я знал, что напротив меня живет знаменитый украинский поэт, но как-то не выпадала возможность встретиться с ним, а я был слишком занят, дорожил временем и день за днем откладывал начало нашего знакомства. В апреле, после Пасхи, не помню теперь, кто из моих знакомых пришел ко мне с Тарасом Григорьевичем. С первого раза произвел он на меня такое приятное впечатление, что достаточно было поговорить с этим человеком час, чтобы подружиться с ним и почувствовать к нему сердечную привязанность».

Это был период наибольшего подъема таланта Шевченко, апогей его духовной силы. Костомаров с ним виделся часто, восхищался его произведениями, из которых многие еще были неизданными. Тарас Григорьевич давал читать ему их в рукописях.

«Я всегда очень ценил у Шевченко разумного малоросса-простолюдина: его простодушие в сочетании с проницатель-

ностью, его благодушный юмор и неунывающее веселье, перемешанные с грустью, его идеализм с практической рассудительностью, его готовность самоотверженно любить вместе с тонким умением отличать искренность от лицемерия... Этого было достаточно для того, чтобы я полюбил тогда же Шевченко. В другой раз, через несколько дней после первого свидания, Шевченко посетил меня снова, и мы сидели в саду, который был у дома Сухоставской. Был прекрасный весенний день, цвели пышным цветом вишни и сливы, начинала расцветать сирень, завязывались цветочные бутоны на яблонях и грушах, пели птицы, — никогда не забуду этого дня. Шевченко принес с собой в кармане несшитой тетради свои нигде еще не напечатанные стихи, читал их, довел меня до полного восторга и оставил свои произведения у меня».

Не только поэтическое творчество Т. Шевченко содействовало их сближению, но и общий взгляд на идею о славянском единении. Впоследствии Н. И. Костомаров вспоминал, что «муза Шевченко раздирала завесу народной жизни», и ему было «и страшно, и сладко, и больно, и упоительно заглянуть туда». Н. И. Костомаров увидел в Тарасе Григорьевиче поэта для всего «сельского народа», поэта «общерусского», потому что он — «возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства». «Не поймут и не оценят Т. Г. Шевченко только те, — подчеркивал ученый, — которые не доросли до свободы от предрассудков сословности, национальности и воспитания, кто смотрит на народ в лорнет», ибо Шевченко «поет так, как народ еще не пел, но как он запоет за Шевченко». «Такой поэт, как Шевченко, — писал Н. И. Костомаров уже после его смерти, — есть не только живописец народного быта, не только воспеватель народного чувства, народных деяний — он народный вожьд,

зовущий народ к новой жизни, пророк, и его стихотворения проникнуты общечеловеческими интересами».

От Шевченко трудно было добиться воспоминаний о его детстве, проведенном среди крепостных крестьян. Он ни перед кем не стеснялся своего происхождения, но не любил говорить о нем, и многое из того, о чем он рассказывал, высказывалось всегда с недомолвками: так, например, он рассказывал, как он был в Варшаве во время восстания 1830 года и как революционное правительство вывело его с другими русскими, дав ему денег тогдашними революционными ассигнациями; однако по какому поводу он попал в Варшаву — этого не говорил; также не слышал Костомаров от него подробностей, каким образом он оказался после того в Академии художеств. Об обстоятельствах освобождения его из крепостничества тоже Николай не слышал. «Однажды я спросил у него, есть правда в анекдоте, который рассказывают о нем, что якобы один знатный господин нанял его нарисовать свой портрет, и когда после того нарисованный портрет ему не понравился, Шевченко сменил на портрете костюм и продал его в цирюльню на вывеску; господин, узнав об этом, обратился к владельцу Шевченко, который находился в то время в Петербурге, и купил Шевченко за большие деньги. Шевченко заявил мне, что ничего подобного не было и что этот старый, затасканный анекдот давно уже распространен среди публики и кем-то приспособлен совершенно произвольно к нему, Шевченко. Он почему-то считал в деле своего освобождения своими благодетелями Брюллова и поэта Жуковского; последнего, однако, он не очень ценил за дух многих его произведений. Несмотря на пламенную преданность народу, у Шевченко в беседах со мной не было видно той злобы к поработителям-помещикам, что не раз проявлялась в его произведениях, наоборот, он дышал любовью,

желанием примирения различных национальных и социальных недоразумений, мечтал об общей свободе и братстве всех народов. Недостаток образования замечен был у него, но это всегда компенсировалось свежим и богатым природным умом, так что разговор с Шевченко никогда не мог вызвать скуки и был чрезвычайно приятным: он умел уместно шутить, утешить собеседников веселыми рассказами и почти никогда в обществе знакомых не проявлял того меланхолического настроения, которым проникнуты многие его стихи».

Его мечтой, подчеркивал Н. И. Костомаров, было освобождение простого народа «от помещичьего гнета». И потому, отмечал впоследствии Н. И. Костомаров, когда о существовании Кирилло-Мефодиевского общества он сообщил Т. Г. Шевченко, поэт тотчас же изъявил готовность пристать к нему.

Ненависть к крепостничеству, желание послужить просвещению простого народа, идея единения славян были мотивами, объединяющими Н. Костомарова и Т. Шевченко не только лично, но и на ниве общественной деятельности.

Когда в июне 1846 года Костомаров был избран на кафедру русской истории университета, прочитав пробную лекцию на заданную тему, Тарас Григорьевич был первым, с кем он поделился своей радостью. «Выходя из университета, на пустыре, отделявшем тогда университет от Старого города, я встретил Тараса Григорьевича; мы пошли с ним вдвоем городом, и Шевченко, выразив мне свою радость по поводу того, что радовало меня тогда, запел песню про казака, который обвенчался с девушкой, не зная, что эта девушка была его сестра, и затем оба превратились в двухцветный цветок, по-малорусски «брат-и-сестра», а по-русски «Иван-да-Марья». Мимо нас проходили прохожие, но Шевченко, не обращая внимания на то, что происходило вокруг, выводил

свою песню чуть ли не во все горло. Это был пароксизм странности, что напоминало давних запорожцев».

Вскоре после этого Костомаров выехал из Киева на отдых в Одессу, а Тарас Григорьевич отправился с профессором Иванушевым раскапывать какую-то могилу. По возвращении из Одессы, в сентябре, Николай Иванович сменил квартиру, перейдя в Старый город. Вернулся из своей поездки и Шевченко и пришел к нему на новоселье с подарком: это был старый череп из разрытой могилы. Николай Иванович поставил его у себя на полке книжного шкафа. Осенью 1846 года они виделись не так часто, как раньше, потому что Николай Иванович был очень занят подготовкой лекций, которые читал в университете, а Тарас Григорьевич, поселившись довольно далеко от Костомарова со своим товарищем Сошенко, художником, был занят своей работой. Так было до зимних каникул, когда у Костомарова свободного времени стало побольше.

В первый день праздника Рождества Христова произошло событие, о котором уже говорилось, приведшее к печальным последствиям в судьбах Костомарова и Шевченко. Вечером в этот день они собрались у общего приятеля Николая Ивановича — Гулака, молодого человека, очень образованного и чрезвычайно симпатичного. Говорили о делах славянского мира, высказывали надежды на будущее объединение славянских народов в одну федерацию государственных обществ, и Костомаров при этом развивал мысль о том, как было бы хорошо учредить ученое славянское общество, которое бы имело широкую цель наладить взаимосвязь между разрозненными славянскими народами. Эти рассуждения были подслушаны соседом, жившим через стену, и он написал донос в Тайную полицию.

Не подозревая о надвигающихся неприятностях в его судьбе, вызванных доносом, Н. Костомаров намеревался

купить недалеко от Киева дачу. Узнав, что в местечке Бровары продается участок земли, десятин на сто, с барской усадьбой, отправился туда, пригласив с собой Шевченко. «Мы нашли в усадьбе, — вспоминал Николай Иванович, — находившейся в вышеупомянутом городке, двух пожилых дам, из которых одна оказалась хозяйкой и владелицей участка, который продавался. Мы провели там полдня до сумерек. Уголок этот мне понравился, и я тогда же договорился о цене, но, не помню, через какие-то вопросы, связанные с документами на владение, пришлось отложить осуществление купчей до весны. Возвращаясь обратно в Киев, мы чуть не утонули. Пошли напрямик по льду через Днепр, а перед тем была продолжительная оттепель, и лед местами начал покрываться водой. Было темно, и мы, сбившись с дороги, попали в прорубь, но, к счастью, там было мелко, и закончилось все тем, что мы, ужасно промокши, прибыли домой, чуть двигаясь от холода. Только молодость и привычка к погодным изменениям, чем отличались мы оба, спасли нас от лихорадки». Шевченко вскоре после того уехал в Черниговскую губернию к знакомым помещикам.

29 марта 1847 года, в пятницу, в жизни адъюнкт-профессора Костомарова произошло событие, которое изменило его судьбу на несколько последующих лет. Николай Иванович как раз возвратился из университета, когда к нему подошел помощник попечителя учебного округа М. Юзефович и сообщил: «На вас донос, я пришел вас спасти; если у вас есть что писанного, возбуждающего подозрение, давайте скорее сюда». Как потом вспоминал Николай Иванович: «За свои бумаги в кабинете мне нечего было бояться, но я вспомнил, что в кармане моего наружного пальто была черновая полупорванная рукопись того сочинения о славянской федерации, которую еще на Святках я передал для переписывания Гулаку. Я достал эту рукопись и искал огня, чтобы сжечь ее, как вдруг незаметно для меня она очутилась в руках моего мнимого спасителя, который сказал: «Ничего не бойтесь». Он вышел и вслед за тем вошел снова, а за ним вошли ко мне губернатор, попечитель, жандармский полковник и полицеймейстер. Они потребовали ключей, открыли мой письменный стол в кабинете. Потом забрали мои бумаги и, завязавши их в простыни, опечатали кабинет, вышли из моей квартиры и велели мне ехать вместе с ними. Я едва успел

подойти к матери, поцеловать ее оледеневшую от страха руку и сказать: “Прощайте”».

Костомарова привезли на квартиру губернатора и спросили: «Вы знаете Гулака?» — «Знаю», — ответил Николай. «Он сделал на вас донос, явился в Третье отделение Собственной Его Величества канцелярии и представил рукопись, в которой излагалось о будущем соединении славян». — «Я не знаю этой рукописи», — сказал Костомаров. «Но черновая рукопись, взятая у меня помощником попечителя, предстала предо мною в обличие моих слов: улика была налицо. Меня отправили в Подольскую часть и посадили в отвратительной, грязной комнате, поместивши меня с двумя полицейскими солдатами. Через день, в воскресенье утром, полицмейстер Галяткин вошел ко мне и, злобно потирая руки, сказал: «Какое тут вам, г. профессор, не совсем удобно? Оно было бы приятнее дома с молодой женой». Пристав Подольской части обращался со мною добродушнее и принимал во мне сердечное участие. Вечером в воскресенье меня повезли в закрытом экипаже на мою квартиру, где я простился с матерью и невестою».

Костомаров возвратился в часть: его немедленно на перекладных повезли в Петербург. Нравственное состояние Костомарова было до того убийственно, что у него появилась мысль во время дороги уморить себя голодом. Николай отказывался от всякой пищи и питья и имел твердость духа проехать таким образом пять дней. 7 апреля Костомарова привезли в Петербург. Здесь еще стояла зима, они въехали на санях. Костомарова привезли прямо в Третье отделение Канцелярии Его Величества, ввели в здание и длинными коридорами провели в комнату, где кроме кровати с постелью стояла кушетка, обитая красной шерстяной материей, а между двумя окнами помещался довольно длинный письменный

стол. Первым делом арестованного Николая Костомарова раздели донага; его одежду унесли и одели в белый стеганный пикейный халат, оставив под замком. В верхней части двери были стекла, за которыми виднелись стоявшие на часах жандармы с ружьями. Не прошло и часа, как вахмистр принес одежду Николаю Ивановичу, велел ему одеваться и объявил, что его требует к себе граф Алексей Федорович Орлов, бывший тогда шефом жандармов. Костомарова повели в кабинет, где он увидел великорослого, красиво сложенного старика, увешанного орденами. «Государь очень жалеет,— сказал он,— что вы попали в эту неприятную историю, тем более что мы получили от вашего начальства самый лестный об вас отзыв; но я надеюсь, что вы оправдаетесь; конечно, вы награды от Государя не получите, потому что вы все-таки виноваты: у вас взяли гнусную вещь». Затем он начал вкратце излагать содержание рукописи, взятой у Костомарова в Киеве. «Что же за такие штуки? — прибавил он. — Эшафот! Но я уверен, что не вы написали эту мерзость; будьте откровенны и дайте возможность спасти вас. У вас есть старушка-матушка, подумайте о ней; да вы же притом и жених; от вас будет зависеть возможность снять с себя хотя бы половину той кары, которую вы заслужили». Костомарова увели вновь, а вслед за тем принесли на бумаге вопросные пункты.

С этого дня начались допросы. От Николая Ивановича добивались, знал ли он о существовавшем обществе имени Кирилла и Мефодия. Костомаров отвечал: «...не считаю его существовавшим когда-либо иначе как только в предположении, которое не сбылось и ему не сбыться; ...это общество только обговорено, но до реальных действий ему... еще далеко». Бездействуя в заключении, Николай Иванович однажды воспользовался посещением Дубельта, обходившего все камеры, и попросил позволить ему читать книги и га-

зеты. «Нельзя, мой добрый друг, — сказал тот, — вы чересчур много читали, ну а когда кто обопьется воды, надобно давать уже понемногу; вы, мой добрый друг, много знаете, больше, чем следует, и хотите все больше и больше знать». Ни книг, ни газет Костомарову все-таки не дали. В начале мая 1847 года делопроизводитель канцелярии с разрешения Дубельта принес Костомарову показания Белозерского и объяснил, что такого рода показания понравились судьям, а потому и ему следует написать в таком духе. Собственно, Белозерский говорил то же, что и Костомаров, но выразился так: общество было, однако не успело распространиться. Видя, чего хотят от них, Николай Иванович написал в новых своих показаниях, что хотя ему казалось, «что нельзя назвать обществом беседу трех человек, но если нужно назвать его таким образом ради того, что оно было как бы в зародыше, то я назову его таким образом. Я изменил свое прежнее показание, тем более что оно было написано под влиянием сильного нравственного потрясения и, как находили мои судьи, имело в себе невольное противоречие. Затем мне делали вопросы относительно колец с именем Кирилла и Мефодия, найденных у меня, Гулака и Белозерского. Я объяснил, что это не имело никакого отношения к предполагаемому обществу и кольца надеты были только в знак памяти просветителей славянства».

Костомарова вызвали 15 мая на очные ставки. Здесь увидел Николай студента Петрова, который написал на него донос о том, что он в своих лекциях с особенным жаром и увлечением рассказывал будто бы о таких событиях, как убийства государей. На это Костомаров ответил, что, читая русскую историю, он не имел возможности заявить в своих чтениях этого. Ответ Николая Ивановича был до того логичен, что не вызвал у судей никаких возражений.

Очная ставка с Гулаком была иного рода. «Я писал, что дело наше ограничивалось только рассуждениями об обществе, а найденные у нас проект устава и сочинение о славянской федерации признал своими. Вдруг оказалось, что в своих показаниях Гулак сознавался, что и то и другое было сочинено им. Видно было, что Гулак, желая выгородить меня и других, хотел принять на себя одного все то, что могло быть признано преступным. Я остался придерживаться прежних показаний, утверждая, что рукопись дана была Гулаку мною, а не мне Гулаком. Гулак на очной ставке упорствовал на своем, и граф Орлов с раздражением сказал о нем: «Да это корень зла!» Впоследствии Гулак написал, что рукопись действительно написана была не им». Тем не менее, его попытку выгородить товарищей сочли обстоятельством, усиливающим тяжесть его вины, и он был приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости на три с половиною года».

Шевченко арестовали, когда он возвращался в Киев из своей поездки в Черниговскую губернию и едва взошел на паром, который ходил под Киевом по Днепру во время наводнения от одного берега к другому, как вдруг его задержал полицейский чиновник. Тарас Григорьевич позднее в тюрьме в шутку говорил, «что с детства, сам не зная почему, не любил он раскосых и не терпел встречи с ними, и вот, вроде как в оправдание такого предчувствия, полицейский чиновник, который арестовал его, был косоглазый». Не известно, оставался Шевченко некоторое время в Киеве или сразу с парома его повезли в Петербург. Но те, кто видел его по дороге от Киева в Петербург, куда он следовал под присмотром полицейского чиновника, говорили, что он был очень веселый, все время шутил, смеялся, пел песни. И вообще, вел себя так, что на одной станции смотритель, записывая подорожную, в которой значился чиновник с арестованным лицом, заме-

тил, что трудно с виду различить, кто из попутчиков арестован, а кто везет арестованного.

На протяжении всего следствия Тарас Григорьевич был неизменно бодр, казался спокойным и даже веселым. Перед допросом некий жандармский офицер сказал ему: «Бог милостив, Тарас Григорьевич: вас оправдают, и вот тогда-то запоет ваша муза». Шевченко ответил по-малороссийски: «Не какой-то черт нас всех сюда занес, а эта чертова муза». После допроса, возвращаясь в свою камеру и идя рядом со мной, Тарас Григорьевич сказал мне: «Не горюй, Николай, еще когда-нибудь будем жить вместе». Эти последние слова, слышанные тогда от Шевченко, оказались позже в отношении нас обоих пророческими». Через несколько дней, а именно 30 мая, посмотрев в окно своей камеры, Николай Иванович увидел, как вывели Шевченко и посадили в экипаж, его отправляли в распоряжение военного ведомства. Увидев его, он улыбнулся, снял фуражку и приветливо кланялся. Тарас Григорьевич был сослан в оренбургские линейные батальоны рядовым с запретом писать и рисовать. Он главным образом пострадал за свои стихи, которые ходили в списках по рукам и стали известными правительству. Он выслушал приговор над собой с непоколебимым спокойствием, заявив, что считает себя достойным наказания и осознает справедливость Высочайшей воли.

Утром 30 мая 1847 года к Костомарову пришел вахмистр и доставил его к генералу Дубельту. В канцелярии Дубельт встретил Николая следующими словами: «Я должен объявить вам не совсем приятное для вас решение Государя императора; но надеюсь, что вы постараетесь загладить прошлое вашу будущую службу». Затем он развернул папку и зачитал приговор Николаю Ивановичу, в котором было сказано, что «адъюнкт-профессор Костомаров имел намерение

вместе с другими лицами составить украино-славянское общество, члены которого обсуждали вопрос об соединении славян в одно государство, и сверх того была написана рукопись «Закон Божий», а потому лишить его занимаемой им кафедры, заключить в крепость на один год, а по прошествии этого времени послать на службу в одну из отдаленных губерний, но никак не по ученой части, с учреждением над ним особого строжайшего надзора». Сбоку карандашом рукою императора Николая было надписано: «В Вятскую губернию».

Костомарова увезли в Петропавловскую крепость. Писать чернилами Костомарову не разрешали, но позволяли писать карандашом. На его содержание в заключении отпускалось по его чину двадцать копеек в день; ему давали один раз щи, другой раз суп, иногда к этому прибавлялась каша с маслом, а по праздникам пирог. По пятницам ему разрешались свидания с матерью.

До февраля 1848 года Николай был здоров и изучал греческий язык: ему хотелось восполнить этот недостаток в своем образовании. Через несколько месяцев он уже свободно читал Гомера, хотя иногда и заглядывал в подстрочный латинский перевод. В то же время в виде отдыха от занятий греческим языком он осваивал испанский язык и при сравнительной его легкости успел прочесть всего «Дон Кихота».

В феврале 1848 года Костомарова одолела невыносимая головная боль и нервные припадки. Доктор, призванный к нему, сказал, что после освобождения Костомарову будет полезно гидропатическое лечение холодной водой, но Николай стал лечиться водой в крепости. Каждый день его выпускали в сад на полчаса, а потом и на больший срок. В марте здоровье Николая стало поправляться. Этому способствовало еще и то, что по совету доктора он перестал заниматься

греческим языком — занятием, чересчур тяжелым для заключенного, — и стал читать французские романы. Николай Иванович прочел тогда все сочинения Жорж Санд.

Вскоре Костомарова отправили к месту ссылки. «Однажды позвали меня в канцелярию и сказали, что император изволил приказать графу Орлову спросить меня, не хочу ли я куда-нибудь потеплее вместо Вятки и не нужно ли мне денег. Я поблагодарил и сказал, что если такова милость государя, то я бы просил отправить меня в Крым, так как по совету врача для моего здоровья было бы полезно морское купанье. Эта просьба передана была графу Орлову, потом мне объявили, что граф сказал: «Там поэзии много, пусть лучше едет по выбору в какой-нибудь из четырех городов Юго-Восточной России: Астрахань, Саратов, Оренбург или Пензу». Подумавши, я избрал Саратов. Мне дали триста рублей вспоможения. При заключении меня в крепость матери моей выдали сумму, составляющую мое годовое жалованье по должности адъютант-профессора. В день, назначенный к отъезду, генерал Дубельт призвал меня в свой кабинет и показал приписку обо мне к саратовскому губернатору, в которой после официального содержания было добавлено рукою графа Орлова: «Прошу вас быть к нему милостиву, он человек добрый, но заблуждался, но теперь искренно раскаялся».

Вечером 24 июня 1848 года Костомаров прибыл в Саратов, о пребывании в котором вспоминал следующим образом: «Я остался один в совершенно чужом городе, в чужом крае, где у меня не было ни близких, ни знакомых. Несколько дней я прожил в гостинице и в это время за стеною моего номера слышал однажды шум, суету и стоны; потом мне объяснили, что в соседстве со мною заболел холерою и, проболевши два часа, скончался приезжий из Петербурга флигель-адъютант Столыпин. Этот случай очень поразил меня. Когда я

выходил гулять и заходил в церковь, то глаза мои неприятно поражались видом приносимых гробов. На мои вопросы мне сообщали, что в городе свирепствует сильная холера, но не такая, какая была здесь прошлый год: умирает человек до ста в день, тогда как прошлый год число умирающих доходило до нескольких сот в день. Зато в настоящий год заболевших смерть постигает скорее, чем прошлый год. Я не очень боялся холеры, покупал себе ягоды и ел их со сливками, что считалось тогда опасным. Через несколько дней я начал искать себе квартиру и нашел».

По прибытии в Саратов в канцелярии губернатора он был извещен о предоставленной свободе, однако с запрещением служить «по ученой части». В свое время это послужит причиной недопущения Н. И. Костомарова к преподаванию в Казанском университете, о чем имеются следующие свидетельства. В письме от 26 июля 1858 года Н. И. Костомаров обращался к управляющему Казанским учебным округом по поводу скорейшего разрешения вопроса: «быть или не быть в Казанском университете», так как еще 6 декабря 1857 года он подал прошение в университет о допущении его к преподаванию «русских древностей» и представил составленную программу такого преподавания. 5 апреля 1858 года состоялось баллотирование в Совете и Н. И. Костомаров получил 15 избирательных голосов при двух неизбирательных, но дальнейший ход дела был приостановлен Министерством народного просвещения.

Позже Костомаров был определен на должность переводчика при губернском управлении с жалованьем 350 рублей в год. Губернатор поручил ему в своей канцелярии заведование сначала уголовным столом, а потом секретным; в последнем рассматривались дела преимущественно раскольников, что для него было довольно любопытно.

Мало-помалу Костомаров свел знакомства с жителями города, среди которых нашел он несколько образованных семей, где были люди с университетским образованием. На следующий год Николай познакомился и сошелся с кружком сосланных поляков. Между тем Костомаров продолжал свою работу над монографией о Богдане Хмельницком и написал письмо графу Свидзинскому, зная, что тот имеет богатую библиотеку, попросив его прислать ему материалы для окончания труда. Граф принял просьбу Костомарова любезно: присылал одну за другой из своей библиотеки латинские и польские книги, что служили источниками для описания эпохи Хмельницкого.

Несмотря на свою тогдашнюю занятость, Николай Иванович сильно хандрил. Поэтому на некоторое время он устранился от занятий историей и ударился в чтение книг по физике и астрономии, прочтя с большим наслаждением Гумбольдта.

С весны 1853 года Николай Иванович принялся за архивную работу; он перебрал все, что мог найти печатного из актов и документов, касающихся внутреннего русского быта прошедших времен, и делал выписки на особых билетах, составляя из них каталоги, касающиеся разных отраслей исторической жизни. Это занятие растянулось на годы и увлекало Николая Ивановича до конца его пребывания в Саратове.

В этот период началась его дружба с Н. Г. Чернышевским, А. Н. Пыпиным, Д. Л. Мордовцевым и др. В губернском управлении, к секретным делам которого Костомарова неосторожно допустили, обнаружались материалы по истории раскола, которые историк затем использовал во многих своих научных трудах. В периодике появились анонимно изданные им местные народные песни.

В Саратове же были в основном написаны произведения, которые сразу по окончании ссылки поставили ученого в ряд выдающихся историков России. Как в годы участия в деятельности «братства», так и впоследствии его научные исследования шаг за шагом раскрывали историю народа, жизнь его деятелей. Вполне справедливо мнение ученого о том, что «история, занимаясь народом, имеет целью изложить движение жизни народа». Исторические монографии ученого публиковались журналами и многократно переиздавались в XIX — начале XX века как важнейший материал российской общественной жизни. Вот лишь главные из этого множества работ, вышедших по возвращении его из ссылки: «Иван Свирговский, украинский гетман XVI века» («Москвитянин», 1855); «Борьба украинских казаков с Польшею в первой половине XVII века до Богдана Хмельницкого» («Отечественные записки», 1856); «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» (там же, 1857); «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» («Современник», 1857—1858); «Бунт Стеньки Разина» («Отечественные записки», 1858), а также масса изданных народных песен и повестей и др.

Именно в Саратове Н. И. Костомаровым были задуманы и написаны такие фундаментальные сочинения, как «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» и «Бунт Стеньки Разина», поставившие его в 60-х годах XIX века, по оценкам многих ученых, в первые ряды историков России.

В Саратове Н. И. Костомаров много работал, занимался не только фольклором и этнографией, физикой и астрономией, статистикой, но и активно интересовался вопросами общественно-политической жизни, в частности революционными событиями 1848 года в странах Западной Европы.

Так, в письме В. М. Белозерскому от 16 июня 1848 года Н. И. Костомаров просил выписать французский журнал, ибо ему очень хотелось «систематически изучить перевороты 1848 года». Дальнейшая переписка свидетельствует о том, что эта его просьба была удовлетворена. Тогда же историк читал и герценовский «Колокол».

В период работы делопроизводителем Саратовского статистического комитета Н. И. Костомаров глубоко изучил статистику этого края, написал и опубликовал исследования «Взгляд на состояние саратовской вывозной торговли в отношении предполагаемой железной дороги между Москвой и Саратовом», «О промышленной, ремесленной и торговой деятельности в уездных городах Саратовской губернии в 1853 году».

Зиму 1855/56 года Н. И. Костомаров провел в Петербурге, усиленно работая в Публичной библиотеке. Широту научных интересов и новаторство Н. И. Костомарова в постановке ряда тем подтверждает его намерение составить историю реки Волги «по всем доступным историческим источникам» с приложением видов волжских городов в XVII веке и карты Волги XVI—XIX веков. Но этот его замысел остался нереализованным. В то время не нашлось издательства, которое бы взяло на себя оплату и издание такого труда.

В ПЕТЕРБУРГЕ. СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

После коронации нового императора в 1856 году последовал манифест, освободивший Н. И. Костомарова от надзора. Николай Иванович решил задержаться в Саратове, чтобы подготовить к печати «Очерк торговли», а в следующем году поехать за границу вместе с доктором Стефани.

О Шевченко Николай Иванович ничего не слышал до 1857 года. В этом году осенью, вернувшись из поездки за границу, он узнал, что Шевченко заезжал к нему в Саратов, возвращаясь по Волге из Петровского укрепления, в котором в последние перед тем годы служил рядовым. Потом Костомаров услышал, что Шевченко запретили жить в Петербурге и поэтому тот прожил зиму в Нижнем Новгороде, где, как рассказывали, чуть было не женился на какой-то актрисе.

Летом 1858 года, будучи в Петербурге, Николай разыскал Шевченко и увидел его впервые после долгой разлуки. Костомаров нашел его в Академии искусств, где ему дали мастерскую. «И вот однажды после своего обычного купания в Неве, в семь часов утра, зашел я в академию и нашел место проживания Шевченко. Я застал его за работой. «Здравствуй, Тарас!» — крикнул я, заходя в комнату. Шевченко, отступив

шага два назад, удивленно окинул меня взглядом с головы до ног и сказал: «Позвольте спросить, кого имею честь видеть?» — «Неужели не узнаешь?» — спрашиваю я. «Нет», — последовал ответ. «Не может быть, — упрямо продолжал я, — присмотрись хорошенько, прислушайся к голосу. Вспомни прошлое! Киев, Петербург, Цепной мост». Шевченко стал осматривать меня со всех сторон и наконец, пожав плечами, сказал: «Нет, извините, не могу узнать». Я еще некоторое время заставлял его узнавать меня, однако он, переходя от холодно-вежливого тона к дружески-фамильярному, стал просить не мучить его дальше и назвать себя. Я произнес свою фамилию. Тогда Шевченко, неожиданно для меня, заплакал и дружески обнимал меня и целовал. С того времени в течение двух недель мы виделись ежедневно, особенно вечерами, в трактире, куда я, по договоренности с ним, приходил после окончания своих дневных занятий в Публичной библиотеке. В один из таких дней я заметил за нашим уважаемым поэтом такую же выходку запорожской странности, какой показалось мне его громкое пение на улице в Киеве. Договорившись со мной идти к букинисту искать редкую книгу, он прибыл и шел со мной по Невскому проспекту. Одет он был очень бедно, так что фигура его напоминала казака Голоту из народной думы или изгнанного из службы чиновника, который спился и обращается к прохожим с просьбой: «Пожертвуйте бедному дворянину». Что это было своеобразное чудачество, подтверждает то, что ни прежде, ни после Шевченко так не ходил по улицам».

Шевченко, как и раньше, не любил рассказывать подробностей о своей ссылке. Николай Иванович узнал от него только, что сначала ему было хорошо. Потом какой-то начальник дослужился до офицерских чинов из рядовых и стал его притеснять, но к концу службы судьба снова смиловалась:

его перевели в Петровское укрепление, где комендант был к нему ласков, приглашал к себе в дом и вообще обращался с ним гуманно. Своим освобождением он считал себя обязанным ходатайству графа Федора Петровича Толстого, который был тогда вице-президентом Академии искусств, и отзывался о нем и его семье с чрезвычайным уважением и любовью.

Через месяц Николай Иванович расстался с Шевченко, выехав в Саратов, куда был приглашен в Комитет по устройству крестьян, а вернувшись в Петербург весной 1859 года, не застал уже там Шевченко: он был отпущен временно на родину.

В 1858 году Совет Казанского университета избрал Костомарова профессором, но Министерство народного просвещения наложило вето на это решение. Труднее для министерства было выступить против решения Совета Петербургского университета, профессором которого Николай Иванович стал в 1859 году. В ноябре Костомаров приступил к чтению лекций по истории России в Петербургском университете. Первым, кто сообщил радостную весть о его утверждении в звании профессора и разрешении читать лекции, был не кто иной, как Т. Шевченко, который вернулся в Петербург в том же году поздней осенью. Первая лекция, посвященная бунту Степана Разина, была прочитана с успехом: 42-летнего профессора студенты на руках донесли к экипажу. Император Николай Павлович так прокомментировал книгу «Бунт Стеньки Разина»: «В Разине нет ничего предосудительного; можете утвердить Костомарова профессором. Но в Киев его пока пускать не следует!»

В следующем году, озаглавленном «Очерками домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» («Современник», 1860) и работой «Украинские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории»

(«Русское слово», № 5), состоялся публичный спор с академиком М. Погодиным по поводу концепции о роли норманнов в образовании Древнерусского государства. Костомаров отстаивал идею о литовском происхождении первых русских князей (из прибалтийских славян), его оппонент придерживался устоявшегося взгляда на норманнское происхождение первых русских князей и их исключительную роль в образовании государства у восточных славян. Фактически подход Костомарова ниспровергал устоявшуюся к тому времени норманнскую теорию, которая вошла во все учебники как бесспорная.

Вот как об этом вспоминает Николай Иванович: «Старый патриарх русской историографии не мог смириться с моей смелостью и решительностью в вопросе критики устоявшейся к тому времени норманнской теории происхождения русских князей. Он прибыл в Петербург и, встретив меня в Публичной библиотеке, предложил мне вступить в открытый диспут по этому вопросу. Я дал свое согласие, хотя немного поразмыслив, стал сомневаться в необходимости таким образом потешить публику».

Об этом научном споре вспоминал также его свидетель Н. Чернышевский: «В субботу в большом университетском зале состоялся диспут между Николаем Ивановичем и Погодиным, который специально для этого прибыл из Москвы. Сбор средств за купленные билеты шел в пользу бедным студентам. Собрано было около 2000 рублей серебром. Каждое слово Костомарова публикой встречалось сочувственно и с аплодисментами. После его окончания Костомарова студенты вынесли из зала на руках. И хотя предмет дискуссии был чрезвычайно научным, в зале было около 1500 человек. Костомаров пользовался таким уважением, которого не было ни у одного из профессоров со дня основания университета».

Другой свидетель этого научного спора отмечал, что «все присутствующие ощущали в этом словесном поединке борьбу нового начала и старого мышления».

Н. И. Костомаров придерживался не только прогрессивных научных взглядов, он публично заявил о необходимости доступа к университетскому образованию представителям всех сословий, о необходимости предоставления свободы преподавания и свободы выбора студентом лекционного курса, о предоставлении права на обучение в университетах женщинам, проявляя при этом себя прогрессивно мыслящим гражданином. Некоторые из его современников вспоминали: «... для нас Костомаров, как Виктор Гюго, был носителем идеи свободы и прогресса в науке и искусстве».

В этот период возобновились отношения между Костомаровым и Шевченко, который изредка приходил к нему, но чаще они встречались в доме графа Толстого, его покровителя. «Шевченко, — вспоминал Николай Иванович, — посещал меня один, а иногда и два раза в неделю. Поговаривали, что во время его последней поездки в Малороссию с ним случилась какая-то неприятность, что к нему цеплялась полиция, на него был послан некий донос и вследствие этого он вынужден был уехать из Малороссии раньше, чем ему самому хотелось бы. Но сколько я ни пытался узнать это от него самого, он отделялся ничего не значащими фразами, признаваясь, однако, что действительно к нему приставал некий становой пристав, но без важных последствий. Видя, что он в этом не хочет быть со мной откровенным, я не стал больше расспрашивать, а он во время всех своих посещений сам не заводил об этом речи. Посмеиваясь над моим жилищем, он говорил, что моя квартира поистине гусарская, и уж совсем не профессорская, и в ней приличнее было бы увидеть кучу пустых бутылок вместо ученых книг и бумаг.

Однажды он устроил мне такую шутку. Придя ко мне вечером и услышав от меня, что я очень занят подготовкой к завтрашней лекции и должен буду работать до полуночи, он пошел в трактир, застал там каких-то своих знакомых и сел за чай, а половым приказал завести орган и играть именно те арии, которые, как он слышал от меня, мне особенно надоели. Часа два подряд мучила меня эта музыка, наконец терпение лопнуло: понимая, что Шевченко нарочно дразнит меня, я вбежал в трактир и умолял его, ради человечности, перестать мучить меня такими пытками. «А захотелось тебе поселиться в застенке, — сказал он, — зато и терпи теперь муку!» Другие собеседники, что слышали наш разговор, приказали половым прекратить музыку, но Шевченко закричал: «Нет, нет! Давайте из «Трубадура», «Риголетто» и «Травиаты», я это очень люблю!» С тех пор, однако, он не приходил ко мне иначе как на мое приглашение, зная наверняка, что я буду свободен, и тогда, ожидая гостя, для меня любого и дорогого, я припасал бутылку рома к чаю...

Говоря о своих литературных занятиях, он был со мной более доверительнее, чем о своих прежних житейских приключениях. Он часто и охотно читал наизусть еще неопубликованные собственноручные рукописи, стихи и по моему желанию оставлял их у меня ненадолго. Между прочим, показывал он мне тогда маленькую книжечку в переплете, в которой записаны были произведения того лихого времени, когда он находился на военной службе. Ему тогда было запрещено писать. Он держал эту книжку не иначе как за голенищем, и, как он сам говорил, если бы у него нашли ее, то подвергли бы его жесточайшему наказанию уже за то, что осмелился писать наперекор высочайшему запрету, не говоря о том, что большая половина стихотворений, написанных его рукой в этой книжечке, была по своему содержанию

нецензурного характера. Кроме того, в это время мы часто виделись у покойного графа Федора Петровича Толстого. Как покойный граф, престарелый художник, так и его жена, и все семейство очень уважали Шевченко и любили его, так же высоко ценя его двойной талант — художника и поэта, как и его прекрасную, чистую душу, что искрилась во всех его разговорах и поступках».

Так прошли зима и весна 1860 года. Летом этого же года Костомаров переехал на квартиру на Васильевский остров и был почти соседом Шевченко, который жил постоянно в Академии искусств, в своей мастерской, где занимался граверным искусством.

Осенью 1860 года прошел слух, что Шевченко собирается жениться. «Тогда встретил я Тараса Григорьевича, который уже давно ко мне не заходил, в Большом театре на спектакле «Вильгельма Телля», а он, замечу попутно, обожал эту оперу и по-детски увлекался пением Тамберлика и де Бассини, имея привычку при этом выкрикивать по-украински: «Матери его сто копанок чертей, как же славно!». «Ты, Тарас, действительно женишься?» — спросил я его. «Наверное, женюсь тогда, когда и ты!» — ответил Шевченко. С того вечера Тарас Григорьевич снова начал посещать меня, но о своих романтических приключениях не говорил ни слова.

В конце 1860 года, а может быть, в январе 1861 года (наверняка не припомню), Шевченко пришел ко мне во вторник вместе с Павлом Ивановичем Якушкиным, известным собирателем народных великорусских песен... Сейчас я не могу вспомнить, был ли еще хоть раз у меня Тарас Григорьевич после его прихода ко мне с Якушкиным, то было его последнее посещение. Точно помню, что вскоре после того он заболел, или, правильнее сказать, усилилась и обострилась болезнь, которая уже ранее подтачивала его здоровье. Об этом

уже давно говорили и с сочувствием называли его пьяницей, но я никогда не видел его пьяным, а замечал только, что когда подадут ему чай, то он наливал такую силу рома, что кто-либо другой, казалось, не устоял бы на ногах. Он ведь никогда не доходил до состояния пьяного. В последнее время мы с ним виделись не так часто, не более одного или двух раз в неделю, потому что я был очень занят чтением и подготовкой университетских лекций. Узнав, что Шевченко болеет, я посетил его дважды. В феврале 1861 года я пошел к нему узнать о состоянии его здоровья. Он сидел за столом, вокруг него были незавершенные работы. Он сказал, что его здоровье значительно улучшилось и на следующей неделе он непременно придет ко мне. Между прочим, тогда показал мне золотые часы, недавно им купленные. Это были первые часы, которые он собирался носить: до того времени отсутствие достаточных средств не позволяло ему и думать о такой роскоши. Тарас Григорьевич относился к этим часам с каким-то детским восторгом. Я попрощался с ним, взяв с него обещание прийти ко мне на следующей неделе, а если будет и далее болеть, то сообщить мне, и я сам приду к нему. Через несколько дней я узнал, что Тарас в своей невесте нашел мало той поэзии, которую рисовало ему воображение, и наткнулся на прозаическую действительность, которая показалась ему пошлостью. А 25 февраля 1861 года утром ко мне пришел не помню кто из его знакомых с вестью, что Шевченко утром скоропостижно скончался. Он велел солдату, который ему прислуживал, поставить ему самовар и спускался по лестнице из своей спальни, где была его мастерская, на последней ступеньке упал головой вниз, солдат бросился к нему, но Шевченко уже не дышал.

В тот же вечер я прибыл в академическую церковь. Тело поэта уже лежало в гробу; над ним псаломщик читал Псал-

тырь. Хоронили его на Смоленском кладбище во вторник на Масляной. Над его гробом в церкви до выноса на кладбище произносились надгробные речи на украинском, русском и польском языках. Людей собралось очень много. Гроб с покойным поэтом несли студенты. Сразу же после похорон земляки Шевченко, жившие в столице, учинили совет о том, чтобы просить у правительства разрешения перевезти прах Шевченко в Украину и похоронить над Днестром, на круче, как завещал сам поэт в одном из своих стихотворений».

Впоследствии Николай Иванович с горечью говорил о том, что «время с 1859 по 1860 год пролетало так быстро, как сон», что он «и не успел даже наговориться с Тарасом по душам как следует: все казалось, что успеется». Когда же произошло непоправимое, изрек: «Вчера погребоша казака Тараса и плакала по нем вси люди!»

После трехмесячной поездки в Европу Костомаров в начале августа ненадолго возвратился в Петербург, а затем уехал на месяц в Москву для работы с архивными рукописями.

В сентябре 1861 года Николай Иванович, возвратившись из Москвы в Петербург, застаёт студенческие волнения из-за введенных новых ограничений по принятому университетскому уставу. Вот как он сам описывает это: «12 октября больше трехсот студентов были окружены войсками, арестованы и отправлены под арест. И хотя студенты приходили ко мне, пытаюсь вовлечь меня в их противостояние с властями, я категорически отказывался, ссылаясь, что мое поле деятельности есть наука, а не политика. Такая моя позиция не находила отклика у них. В начале 1862 года освобожденные из-под ареста студенты, ввиду закрытия университета, выступили с идеей организации чтения лекционного курса вне его стен. Ряд профессоров, в том числе и Костомаров, поддержали эту идею: прочитать в пользу бедных студентов

без оплаты полный лекционный курс, чтобы свои ученые знания принести на пользу студенчеству. Лекции читались в большом зале городской думы. Таким образом, после закрытия университета образовывался свободный от министерской опеки университет, слушателями которого могли быть как представители всех сословий, так и без различия их пола».

Костомаров вместе с известными учеными — преподавателями П. Павловым, Д. Менделеевым, И. Сеченовым, А. Бекетовым, К. Кавелиным приступили к публичному чтению лекций. Однако в начале марта 1862 года студенческий комитет принял решение: в знак протеста в связи с высылкой в Кострому профессора П. В. Павлова за его доклад «Тысячелетие России» прекратить чтение лекций. Костомаров возражал против такого решения, считая его уступкой властям, закрывшим университет, а вместе с ним и доступ студенчеству к получению знаний. Но его позиция вызвала студенческое неодобрение. Он продолжал читать лекционный курс. В ответ радикально настроенные студенты стали забрасывать его гнилыми яблоками, освистывать, угрожать. Конфликт на очередной лекции переполнил чашу его терпения. Он объявил о своем нежелании более быть профессором университета. Свой уход он мотивировал таким образом: «Думая о свободе, необходимо и самим становиться достойными этой свободы!»

В прессе же Н. И. Костомаров объяснял свой поступок тем, что не желал быть поводом к арестам и привлечению к ответственности «передовых людей молодого поколения».

Вместе с тем один из крупных исследователей жизни и творчества Н. И. Костомарова Ю. Пинчук отмечает, что позицию Костомарова разделяли многие профессора и часть студентов. Скоро и те из студентов, кто настаивал на пре-

кращении им лекций, публично оскорбляя профессора-ученого, вынуждены были признать его правоту и просить извинения. «Мы теряем в вашем лице профессора, которого нечем заменить, которым гордится наш университет, и человека, готового, даже самостоятельно, стать на защиту тех убеждений, которые он считает истинными и полезными», — писали самые непримиримые из студентов. Этот адрес на имя Костомарова подписали 100 студентов. Ю. Пинчук обращает внимание и на тот факт, что во время студенческих волнений и во время мартовского инцидента Николай Иванович был арестован и доставлен генерал-губернатору, который ему сказал: «Доколе Петербургский университет будешь использовать во зло нашему терпению!» Не следует забывать и тот факт, что Костомаров, несмотря на всю сложность своей ситуации (он у властей числился политически неблагонадежным), лично собирал подписи среди профессоров под петицией министру просвещения об освобождении профессора П. Павлова, лично встречался со студентами-заключенными в Кронштадтской крепости. Понимая возможную политическую подоплеку сложившейся ситуации, он принял это решение. С этого времени Н. И. Костомаров остался на государственной службе лишь как член Археологической комиссии, в которую вступил в 1860 году. Тогда же он был избран членом действующего Императорского Российского географического общества.

Работая в архивах, Н. И. Костомаров разыскал и обработал многочисленные исторические документы, которые, как и выпущенные под его редакцией «Акты, касающиеся истории Южной и Западной России, собранные и изданные археологической комиссией» (тт. I—IX, XI—XIII), представляют собой научную ценность для исследователей истории России и Украины периода феодализма.

Материалы, собранные в архивах, Н. Костомаров пытался сделать достоянием научной общественности. С нетерпением ждал выхода в свет актов о гайдамаках и в ожидании появления этого издания подготовил и напечатал ряд документов по истории Колиивщины (1768). При участии историка Археографической комиссии издавались сборники Устюжской воеводской канцелярии XVII века, Юридические акты Южной и Западной России, акты о городах, приказные книги XVII века, Дневники Люблинского сейма, материалы по истории Северо-Западной России XVI—XVIII веков и др.

Имея желание «изучать историю народной жизни», после поездки летом 1862 года в Вильно, Псков и Новгород Н. И. Костомаров взялся за публикацию монографии «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки» и за подготовку работы «Смутное время Московского государства в начале XVII века», основная идея которой заключалась в том, что «смутная эпоха» показала твердость и крепость «российского общественного организма», а также внутреннюю слабость организации Польши.

В это же время историк выступал в печати с научно-публицистическими статьями, в которых опровергал польские благородные «теории» о том, что Украина — законная принадлежность Польши.

В 1862 году Н. И. Костомаров взялся за издание научно-популярных книг для народа. Он настойчиво обосновывал и в прессе полезность издания такой литературы. Данное предприятие материально поддержали М. Лазаревский, Ф. Метлинский и многие другие, но в 1863 году вышел циркуляр министра внутренних дел Валуева, запрещавший издание литературы на украинском языке; это заставило его прекратить начатое дело. Тогда были напечатаны только «Рас-

сказы из Священного Писания» Опатовича и арифметика Конисского.

Харьковский университет также предлагал Н. И. Костомарову занять кафедру русской истории. 19 декабря 1864 года профессор И. Г. Сокальский извещал его телеграммой: «В эту минуту Вы блестяще избраны профессором. Горячо поздравляю». Но и на этот раз Н. И. Костомаров не был допущен к преподаванию в университете. «Министр... объявляет мне, что он не утвердит меня ни в один университет и что если я хожу по Петербургу и невредим, то за это надо благодарить Господа Бога», — писал Николай Иванович. Затем, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда, Министерство народного просвещения закрепило пожизненно за Н. И. Костомаровым профессорскую зарплату, лишив его возможности преподавать.

Н. И. Костомаров был одним из организаторов журналов «Основа» и «Вестник Европы», в которых активно сотрудничал. Он написал ряд предисловий, объяснений и выводов для множества различных научных и популярных изданий, осуществлял их общую редакцию. Одним из первых Н. И. Костомаров занимался редактированием произведений Т. Г. Шевченко, издание которых начал в 1866 году.

Весь 1867 год историк усиленно работал над монографией «Последние годы Речи Посполитой», которая появилась в 1869 году в «Вестнике Европы». За этот труд ученый был удостоен премии Академии наук.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТУРЫ

За рубеж Николай Костомаров совершал поездки для отдыха, лечения и научных исследований в 1857, 1861, 1864, 1865 и 1876 годах. Он побывал в Австрии (1857, 1864), Бельгии (1864), Италии (1857, 1864), Монако (1861), Германии (1857, 1861, 1864), Польше (1857, 1865, в другие годы — эпизодические посещения), Сербии (1864), Финляндии (1876), Франции (1857, 1861), Чехии (1857, 1864), Швейцарии (1857, 1861), Швеции (1857). Он также много путешествовал по Российской империи, в частности посещал Грузию, Эстонию, Литву. Бывая в Австрии, Костомаров по совету врачей главным образом проводил водолечение, преимущественно в Вене. Австрийская столица имела свежий и чистый воздух, а также городские учреждения с бассейнами. Кроме того, он познакомился с архитектурными памятками и условиями жизни и традициями местного населения. В письмах из Австрии Костомаров отмечал тяжелое налоговое бремя, довлеющее над населением, существующие ограничения в свободе мысли для интеллигенции.

Знакомство Костомарова с Бельгией связано с поездкой в город Остенде. Впечатления от этого города он описал в «Автобиографии», отметив, что остендские пейзажи чрезвычай-

но скучные и однообразные, прогулки невозможны, так как в самом городе и в его окрестностях нет ни одной рощи.

Большой интерес проявил Костомаров к Италии, будучи прекрасно осведомлен о ее истории и культуре, когда изучал итальянский и классические языки, в частности латынь. Во время путешествий по этой стране он побывал во многих городах, основательно осмотрел Венецию, Верону, Милан, Пизу, Флоренцию. В то же время очень жалел, что неблагоприятные погодные условия не позволили ему посетить «вечный город» Рим. Тогда же ученый посетил миланский театр «Ла Скала», миловался статуей Богородицы, осмотрел венецианскую церковь Св. Марка, мозаика которой напомнила ему киевскую Св. Софию, проплыл на гондоле вдоль Большого канала. В Милане во время второй поездки по Италии Костомаров посетил картинную и скульптурную галерею, о чем рассказал в «Автобиографии», сопровождая воспоминания экскурсами в историю Италии и ее знаменитых городов. Был также в Триесте, который ему напоминал Одессу, общался с местным населением. Нужно отметить, что в этой стране имя Костомарова было известно с конца 40-х годов XIX века. Тогда о нем впервые упоминалось на страницах генуэзской газеты «Торговый курьер», а потом неоднократно во флорентийском журнале «Киуизиа Европае» (1873—1875) и миланском еженедельнике «Киуизиа типита» (1881) в рассказах М. Драгоманова. В указанных работах подробно охарактеризована научная, литературная, общественная и издательская деятельность Костомарова, называли его важнейшие монографии и исследования, а также рекомендовали их итальянскому читателю. В частности, в письме М. Драгоманова от 2 июня 1877 года итальянскому писателю и ученому Анжело де Губернатиса по поводу костомаровской «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» отмечается: «...в этом

сочинении Вы найдете ряд небольших монографий об интересных лицах и русской истории, из коих иные, например, еретики новгородские и московские XVI века, такие лица, как Петр Могила, Хмельницкий и т. п., почти неведомы на Западе». В другом письме, от 13 июля 1874 года, тому же адресату М. Драгоманов рекомендовал как полезный для его научных студий труд Костомарова «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества», где он найдет «свод всего южнорусского материала» по вопросу, который его интересует. В итальянской прессе впервые была дана содержательная информация об участии Костомарова в национальном возрождении Украины в харьковский и киевский периоды его деятельности, в частности, о его отношениях с кирилло-мефодиевцами. В 1879 году в «Биографическом словаре современных писателей» профессора Анжело де Губернатиса было помещено жизнеописание Костомарова с библиографией его основных работ.

В 1861 году Костомаров вместе с писателем и публицистом П. Кулишом посетил Монако, где пробыл десять дней. В «Автобиографии» он отметил, что основной доход Монако давал игорный бизнес, преимущественно зимой, а летом это княжество оставалось почти пустым. Такой вид оно имело именно при его посещении. Монако понравилось Костомарову больше Ниццы, которую он посещал также. По его мнению, преимущество Монако в том, что этот город находится в непосредственной близости к Средиземному морю. Город густо покрыт темной зеленью деревьев и кактусов. Во время пребывания в Монако он жил в комнате с выходом на террасу, с которой открывался прекрасный вид на море.

Костомаров дважды побывал в Германии. В первую поездку вместе с товарищем из Саратова доктором Стефани он консультировался у местных врачей относительно болезни

глаз, а также ознакомился с городами Гамбург, Кельн, Любек, Майнц, Франкфурт и др. В Гамбурге он обратил внимание на почти полное отсутствие памятников старины. Кельн поразил его архитектурой местного собора, а Любек — уцелевшей средневековой застройкой. В Майнце он также осмотрел собор архитектуры X века и приобрел на память изображения рейнских пейзажей, затем отправился по железной дороге во Франкфурт, а оттуда в дилижансе до Киссингена — знаменитого своими минеральными источниками, назначенными ему для лечения. Там он провел пять недель, ежедневно принимая водные процедуры. Вторую поездку в Германию Костомаров осуществил с П. Кулишом. Тогда он посетил Берлин, Лейпциг и другие города, о чем подробно рассказал в «Автобиографии». В Берлине в связи с обострением болезни глаз он консультировался у окулиста Греффе, который ему очень помог. В Лейпциге Костомаров ознакомился с выдающимися памятниками истории и культуры. Нужно отметить, что в этом городе еще при жизни Костомарова была опубликована в немецком переводе А. Кони его монография «Императрица Анна Ивановна и ее царствование», а в 1889 году в переводе В. Генкеля «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Имя Костомарова было известно в Германии еще до посещения им этой страны, а именно — с 40-х годов XIX столетия, когда журнал «Ausburger Allgemeine Zeitung» (1847 год, 4 июля) писал о нем, заключенном в Петропавловской крепости за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве, как о подстрекателе против существующего порядка, панслависте и т. д. Немецкий историк Эрнст Адольф Герман в 1872 году по просьбе Российской академии наук рецензировал монографию Костомарова «Последние годы Речи Посполитой».

Костомаров осуществлял также поездки в Польшу, язык, историю и литературу которой он знал в совершенстве. Наи-

более плодотворной была поездка 1865 года, когда он задумал написать монографию о падении польского государства, небольшое исследование о Тадеуше Костюшко и о революции 1794 года. В Польше, преимущественно в Варшаве, а также в архивохранилищах других городов он собирал необходимый материал для реализации этого замысла. В частности, работал в библиотеке Красинского, где изучал рукописные источники. Общался со многими польскими писателями, учеными и издателями, особенно с историком Ю. Бартошевичем. Побывал на раскопках в подземельях варшавских монастырей, которые вел писатель В. Крестовский. Он также посетил Щечино.

Во время заграничных поездок Костомаров побывал и в Сербии, осмотрел достопримечательности Белграда. Николай Иванович был удостоен диплома действительного члена Сербского ученого дружества в Белграде в 1869 году.

О поездках Костомарова в Финляндию оставила свои воспоминания К. Юнге. Большое впечатление на него произвело посещение Валаамских островов, которые, по его мнению, «чрезвычайно живописны и могут служить самым лучшим показчиком той северной своеобразной красоты, которая дает право Финляндии называться одной из живописных стран в Европе».

Еще задолго до путешествий по Франции Костомаров увлекался историей и культурой этой страны, овладел французским языком. Он вспоминал, что его отец еще в детстве внушал ему «вольтерианское неверие», что он имел необыкновенную память и ему ничего не стоило, «прочитавши раза два какого-нибудь вольтерова «Танкреда» или «Заиру» в русском переводе, прочитать ее отцу наизусть от доски до доски». Находясь во Франции, Костомаров месяц жил в Париже, ежедневно неукоснительно осматривая его достоприме-

чательности. Там он также консультировался у местного окулиста по поводу болезни глаз. Ученый очень интересовался французской периодикой, особенно освещением в ней вопросов истории Украины и России; откликался на статьи французского журнала относительно утверждения о неславянском происхождении россиян («Основа», 1861 год, № 2) и претензии поляков на украинские земли («Основа», 1861 год, № 10). По этому поводу он отметил в «Автобиографии», что его полемические статьи имели целью опровергнуть теории, которые опирались «на учение Духинского, получившего в свое время большое распространение во Франции». Костомаров был знаком с французскими учеными, общался с некоторыми из них на III Археологическом съезде в Киеве 1874 года. Эпизоды из истории Франции использованы в труде Костомарова «Книга бытия украинского народа». Путешествуя по Франции и проезжая через Руан, он не смог проехать мимо. Поэтому он вышел из вагона и остался в этом городе на полдня, чтобы его осмотреть, особенно площадь, как указано в «Автобиографии», «на которой некогда происходило сожжение Орлеанской Девы». Находясь в Страсбурге, он ознакомился с городом, поднялся на колокольню его знаменитого собора. Во время второй поездки по Франции Костомаров много времени провел в курортном городе Ницца, который привлек его возможностью морских купаний. Однако вскоре он убедился, что напрасно доверился тому, что читал и слышал о нем. По его мнению, сложно найти город нуднее, чем Ницца летом. Ознакомившись с ее достопримечательностями, он поехал в Монако.

Путешествуя по Европе, Николай Иванович побывал и в Чехии. Он интересовался ее прошлым, писал об этой стране в научных, научно-публицистических и полемических работах. Приехав впервые в Прагу, ученый познакомился с пат-

риархом чешского славянства, поэтом, философом, издателем и общественным деятелем Вацлавом Ганкой, который принял его как близкого знакомого. Они вместе осматривали Прагу, ездили в Градчин, где осмотрели собор Св. Витта с могилами чешских королей, дворец, посетили университетскую библиотеку, побывали в чешском театре. Ганка подарил Николаю Ивановичу свои произведения. В Карлсбаде Костомаров лечился водами. Второй раз в Чехии ученый побывал проездом во время своей поездки в Остенд на лечение и отдых. Он тогда остановился в Праге, которая на ту пору, по его мнению, «приняла славянскую физиономию». Пражский иллюстрированный журнал «Светозор» посвятил Костомарову статью, поместив также и его портрет.

Обе поездки Костомарова в Швейцарию были в основном связаны с отдыхом. Впервые он был в Швейцарии летом и тогда совершил восхождение на вершину высокой горы Риги над городом Швиц, наняв коня с проводником в гостинице этого города, а немного позже на пароходе отправился в Люцерн. Второй раз совершил путешествие в Швейцарию вместе с Кулишом. Тогда они посетили Базель, Люцерн и другие города. Костомаров также осуществил переход через Альпы, достиг знаменитого Чертового моста, видел статую национального героя швейцарцев Вильгельма Телля и другие известные достопримечательности. Вспоминая в «Автобиографии» швейцарские горы, он писал: «Мы встречали затейливые вершины с глетчерами и множеством шумевших водопадов». Переход через перевал Сен-Готард во время второго путешествия Костомарову запомнился больше, чем летом во время первой экскурсии, поскольку был май месяц, снег еще не успел растаять и все вокруг напоминало ему Русь зимней поры.

Путешествие Костомарова в Швецию предусматривало отдых и научные изыскания. Он осмотрел города Норд-Чо-

пинг, Упсалу, побывал в их библиотеках, соборах и т. д. В частности, в Упсале он посетил музей древностей и местной истории. В Стокгольме Костомаров познакомился с пономарем русской церкви, который исполнял обязанности секретаря российского консула и предложил ученому свои услуги переводчика. В этом городе ученый-историк при содействии российского посланника князя Я. Дашкова получил доступ к Шведскому государственному архиву. Там он изучал документы периода, когда Новгород с частью своих земель находился в составе Шведской Короны, а также латинские, французские и немецкие материалы эпохи Северной войны. В архиве Костомаров встретился со шведским профессором Нордстремом и при его содействии познакомился с достопримечательностями Швеции, в частности с собором Св. Олафа и др. Найденные в Стокгольмском архиве документальные источники были использованы им в исследованиях «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки», «Мазепа. Историческая монография» и др. По поводу своих архивных исследований в Швеции Костомаров писал: «Если бы меня не тревожило угрожающее состояние моих глаз, я бы, вероятно, остался в Швеции надолго и принялся бы основательно изучать шведский язык». В 1882 году в Стокгольме была опубликована в шведском переводе костомаровская «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

Свою каждую возможность побывать за границей ученый-историк использовал не только для отдыха и лечения, а в первую очередь для продолжения активной исследовательской работы, поиска новых архивных документов для своих научных трудов.

НИКОЛАЙ И АЛИНА: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Этот необычный роман начался довольно обычно. Он и она — учитель и ученица... Он — Николай Иванович Костомаров, учитель Киевского института благородных девиц, она — Алина Крагельская, ученица выпускного класса, хорошенькая и способная девочка с беззаботным жизнерадостным смехом и веселыми черными глазами. Чудесно, портретно и четко, с иронической нежностью описывает Алина Крагельская тот день, когда в августе 1845 года пришел в их класс в «образцовом пансионе» г-жи де Мельян новый учитель, несколько позже — ее первая любовь, герой любовных девичьих снов. «Это был молодой человек (Костомарову было тогда 28 лет) с очень свежим лицом, среднего роста, крепкого, так сказать, коренастого телосложения, в вицмундире (обычная тогдашняя одежда учителей), в очень широких перчатках и в таких сапогах, что они вызвали смех своим размером. Вместо поклона Костомаров неловко нагнулся, встал, составил по-детски руки и покачал головой, словно желая освободиться от густых прядей волос, которые надвинул на лоб и глаза небрежно одетой шляпой».

В пансионе г-жи де Мельян ученицы часто смеялись над необычными деталями костюма нового учителя — этими

мешками вместо перчаток, какими-то батистовыми фалборами вместо манжет. Немало было ужимок и передразнивания по поводу его моргания глазами и частого запрокидывания головы. «Я, — говорит Алина, — не могла удержаться от смеха, когда видела, как новый учитель закидывает голову, все время улыбается и никак не может избавиться от мерзких волос». Ученицы пансиона нередко после лекции собирались вместе и обсуждали странные манеры их нового учителя. Вспоминая его гримасы и «чуфизы», они несдержанно смеялись. «Смешной!» — это основное впечатление от Костомарова. Его принимали за «блажененького» или «юридического», на него показывали пальцами. Увидев его, останавливались. Он со своими длинными волосами, невнимательным, странным, словно невидящим взглядом из-под очков, со своей то слишком поспешной, то медленной поступью невольно вызывал улыбку. Он ходил согнувшись. Собственно не ходил, а бегал, и его согнутая под острым углом фигура казалась особенно неуклюжей.

В пансионе г-жи де Мельян Костомаров преподавал всемирную и русскую историю. Дважды в неделю после двух часов он приходил в пансион читать лекции. Николай Иванович никогда не садился в классе, а обычно стоял. Он стоял или у столика, или возле большой черной таблицы, где он, чтобы ученицам облегчить записывать даты, неразборчиво мелом выписывал цифры. Баллы, которые он ставил в классном журнале, были такие же нелепые и непостоянные, как и он сам: чернильные карлики и гиганты, кривляясь, чернели на разграфленных страницах школьного журнала. Понятно, что только он вышел из класса после первой же лекции, как ученицы начали передразнивать его манеры, подтрунивая над его мимикой. Но очень скоро его искусство чтения лекций, умение высказываться четко, последовательно и

доступно снискали ему уважение среди учениц пансиона и понимание, почему классные дамы и некоторые из учителей называли их молодого учителя истории «новым светилом исторической науки».

Прошло два-три месяца, как Николай Иванович начал преподавать в пансионе г-жи де Мельян. Как-то, опросив Алину и поставив «пять», он просмотрел ее баллы по другим предметам. Его заинтересовала эта способная черноволосая девочка. Посмотрев журнал, он взглянул на нее и сказал:

— Вы прекрасно учитесь!

— Я никогда не учусь! — был Алинин ответ.

Подруги засмеялись. Николай Иванович вопросительно посмотрел на эту задорную и оживленную ученицу, подошел к ее месту и серьезно спросил:

— А что вы тогда делаете здесь, если не учитесь?

— Учусь, но не шибко, а слегка, пока есть учитель в классе, а потом играю на рояле, вышиваю, бегаю, шалю.

Ответив на вопрос, она в манере, свойственной Николаю Ивановичу, передразнивая его, быстро замигала глазами и сложила руки в «кулачки». Но близорукий учитель не заметил этой шалости своей ученицы.

Таким вот образом состоялось первое близкое знакомство Николая Ивановича Костомарова и Алины Крагельской, по первому мужу Кысиль, 1830 года рождения. Она происходила из семьи военного, выросла и воспитывалась в Киеве. Панночка Крагельская была талантливой девушкой, музыкально одаренной (в свое время на нее обратил внимание известный венгерский пианист Ференц Лист, чьи гастроли проходили в Киеве в 1847 году, и приглашал продолжить учебу в консерватории в Вене).

Новую неожиданную встречу с его избранницей судьба подарила Николаю Ивановичу летом в Одессе, куда он от-

правился летом 1846 году на отдых. Здесь вместе с дочерьми отдыхала и мать Алины.

Вечером Крагельские всей семьей шли в театр слушать итальянскую оперу. На Алину огромное впечатление производило вокальное исполнение артистов. Один раз в их ложу случайно вошел Костомаров. Он увидел своих учениц:

— Какими судьбами вы здесь?

— Видимо, такими, какими и вы! — ответила Алина — Мы приехали сюда отдохнуть и купаться в море.

Близко познакомившись с матерью симпатичной ему девушки, Николай Иванович после возвращения с курорта был постоянным гостем семьи Алины. Почти каждый вечер Костомаров шел от Рейтарской улицы, где тогда жил, на Печерск, на Госпитальную, чтобы долгими осенними и зимними вечерами беседовать с Алиной, читать вслух, говорить по поводу прочитанного или же — и это больше всего его привлекало и очаровывало — слушать музыку в ее исполнении.

Шли дни. Чуть ли не каждый вечер приезжал Костомаров к Крагельским. Он ждал удобного момента, чтобы просить руки Алины.

Это произошло вечером 12 февраля 1847 года, когда никого из гостей, кроме Николая Ивановича, не было. Как обычно, Алина играла его любимые вещи; как обычно, Николай Иванович стоял у рояля и смотрел на нее. Он едва дослушал последний аккорд и обратился к Алининой матери, которая сидела рядом:

— Я прошу у вас руки дочери вашей, Алины.

— Пусть она сама отдаст ее вам, Николай Иванович.

Он взял Алину за руки и хотел подвести ее к матери.

Она стояла на месте и не двигалась.

Рука Алины дрожала.

— Пусть будет так, как хочет мама.

Мать улыбнулась. Николай Иванович сжал дрожащую руку Алины, она ответила на пожатие пожатием, и, взявшись за руки, они вдвоем подошли к матери.

Госпожа Крагельская вызвала мужа и отрекомендовала ему жениха и невесту. 13 февраля состоялась помолвка. На 30 марта 1847 года была назначена их свадьба, на которую были приглашены М. Максимович, Т. Шевченко, другие друзья и родственники.

«Понимая, что квартира, которую занимал, слишком мала для совместной семейной жизни, я нашел другую, вблизи Андреевской церкви. Квартира эта открывала прекрасный вид на Подол, Днепр, а за ними на луга и леса. Пришла Пасха. Весна в тот год была ранней: Благовещение совпадало со вторником Пасхи... приближался день моей свадьбы, к которому я тщательно готовился, не подозревая о собравшихся над моей головой тучах...»

Но с влюбленными судьба сыграла злую шутку. Накануне венчания 28 марта по доносу студента Алексея Петрова Николая Ивановича, а вскоре и Тараса Григорьевича Шевченко, который приехал на его свадьбу, арестовали и отправили в Петербург для проведения дознания и следствия. В эти дни, веря в невиновность своего любимого, Алина вместе со своей матерью и матерью своего жениха Татьяной Петровной Костомаровой едет в Петербург и добивается свидания с ним, которое состоялось 14 июня 1847 года в Петропавловской крепости. Алина пробыла в Петербурге больше двух месяцев, вплоть до объявления приговора о заключении в крепость и ссылке.

Отбыв год заключения в Петропавловской крепости, Николай Иванович оказался в ссылке, правда, не в Вятке, а в Саратове, где он и получил должность переводчика при губернском правлении с жалованьем 350 рублей в год.

Для Алины же началась тяжелая жизнь под строгим при-
смотром матери, которая слепо верила, что Николай Ивано-
вич был одним из руководителей какого-то преступного
политического заговора, и, понятно, старалась отдалить от
своей юной дочери всякую мысль о возможности разделить
участь «преступника». Госпожа Крагельская, узнав от челяди
о простом происхождении матери Николая Ивановича и
после всего случившегося, была решительно против брака
Алины с Костомаровым.

Прошел год. Алина послала несколько писем в Вятку, прося
Николая Ивановича поискать среди своих киевских приятелей
такого, который взялся бы передавать ее письма. Ответов, ра-
зумеется, Алина не дождалась, потому что Николая Ивановича
в Вятке не было. Только случайно Алина узнала, что Костомаров
в Саратове. После долгих размышлений о том, как начать пере-
писку с Николаем Ивановичем, она разработала целый план:
переслать письмо Костомарова через г-жу де Мельян, жившую
тогда в Петербурге, с тем чтобы ответ, полученный из Саратова
г-жой де Мельян, вернулся к ней обратно.

Вот как объясняет эти трагические страницы в их любви
Алина: «Таким образом, главными действующими лицами
нашей разлуки с Николай Ивановичем были: сам Николай
Иванович, который считал долгом чести сообщить моей
матери о своей будто бы неизлечимой болезни, которая не
позволяет ему жениться, и наши матери, которые горячо
любили своих детей и считали вправе самостоятельно решать
вопрос о счастье своих детей».

Переписка Алины с Костомаровым продолжалась в те-
чение двух с половиной лет. Несмотря на все мольбы, прось-
бы, истерики матери, Алина упорствовала, не желая раз-
рывать своих отношений с любимым. Наконец мать, уступая
упорству дочери, разрешила ей написать письмо Николаю

Ивановичу и сообщить ее решение: она согласна выдать за него Алину, если он сам приедет в Киев и женится. Если же ему не будет позволено это сделать, она никогда не даст своего благословения на их свадьбу.

Понимая, что ее любимому не разрешат приехать в Киев, Алина решает написать письмо лично начальнику III отделения генералу Л. Дубельту: «Я решилась обратиться к Вам, как к человеку, от которого зависит сделать меня счастливой или несчастной. Вот уже прошло четыре года, как я связана сердцем и словом с Костомаровым, хотя моя мать и против этого союза, но, видя мою настойчивость, решилась дать согласие при условии, что он приедет в Киев лично и венчается со мной... прошу Вас отпустить моего жениха в Киев. Мне дали времени к маю месяцу. Простите, что пишу это письмо к Вам втайне от матери: я люблю своего жениха и вижу счастье мое в нем и потому решилась на этот поступок, видя в Боге и в Вас свою надежду...»

Когда мать узнала, что ее дочь сама написала письмо Дубельту, в семье вновь началась ругань, увещевания, упреки. В новом письме к генералу Алина просит уничтожить ее письмо и заявляет, что если в силу обстоятельств ее жениху нельзя приехать в Киев, она выдержит и этот удар судьбы...

И хотя разрешение было получено, но, видя нерешительность Николая Ивановича, по настоянию матери в 1851 году Алина Леонтьевна вынуждена была согласиться выйти замуж за М. Д. Кысиля, с которым и прожила в браке 19 лет, сопровождая его по местам службы. С 1865-го по 1870 год они постоянно проживали в его родовом поместье в Дедовцах на Полтавщине.

Прошли годы. Зимой 1864/65 года Алина с мужем провела в Петербурге. Как-то раз на Невском проспекте она неожиданно встретилась с Николаем Ивановичем. Они шли на-

встречу друг другу. Алина, может, и вовсе не узнала бы его и прошла бы мимо, если бы не его своеобразная манера ходить и чрезвычайная оригинальность большой бобровой шапки, из-под мехового края которой сверкали золотые тяжелые очки. Николай Иванович не заметил Алины, он не обратил на нее никакого внимания, хотя Алина, поравнявшись с ним, остановилась. Он пронесся, как всегда торопливо.

На мгновение встретились и за короткий миг разминулись снова. Алина рванулась, чтобы догнать, остановить, поговорить. Рванулась и остановилась. Она стояла и смотрела вслед Николаю Ивановичу, пока тот не исчез среди суетливой толпы.

Прошли годы. Костомарову уже далеко за пятьдесят. В августе 1873 года Николай Иванович поехал в Киев. Там П. П. Чубинский как-то сказал ему:

— А вы, Николай Иванович, знаете, что ваша бывшая невеста здесь?

— Как? Алина?

— Да, Алина Леонтьевна Кысиль теперь вдова. Она здесь, и я знаю, где она проживает. Хотите, я отвезу вас к ней?

— Так мы же 26 лет не виделись. Отвезите лучше сначала от меня письмо. А потом уже и я поеду.

Алина овдовела в 1870 году. Хотя не по большой любви она выходила замуж, но взаимная привязанность сделала их семейный союз счастливым. Марк Дмитриевич был любящим мужем и отцом. Алина стала ему верной женой и заботливой матерью. После смерти мужа она целиком посвятила себя детям, поселившись в маленьком селе Дедовцы Прилукского уезда, в небольшом родовом имении умершего мужа.

В августе 1873 года после летних каникул Алина Леонтьевна повезла детей в Киев, где они учились, с тем чтобы и себе остаться на всю зиму в городе лечиться у киевских врачей.

И вот после стольких лет разлуки Алина и Костомаров вновь встретились в Киеве. «По желанию Николая Ивановича мы ездили вечером по городу, преимущественно по таким его местам, с которыми у него возникали воспоминания о давно минувшем времени. Заехали в Лавру и там сначала зашли в церковь для поклонения издревле чтимой чудотворной иконе Успения Пресвятой Богородицы, потом прошли к могилам Кочубея и Искры; там Николай Иванович прочитал эпитафии».

Приехав 10 августа 1873 года в Петербург, Костомаров в тот же день написал письмо Алине. Он жаловался на вынужденную разлуку. Между Алиной и Николаем Ивановичем началась оживленная переписка. Когда Николаю Ивановичу казалось, что Алина не спешит с ответом на его письмо, он спрашивал в телеграмме, не ухудшилось ли ее здоровье. Ему так хотелось видеть Алину, быть с ней, что он уже на Рождество собирался ехать на юг, на Украину, к ней. Но, обдумав дело со всех сторон, взвесив возраст, холод, ненастье, далекий путь, они окончательно условились, что Николай Иванович приедет к Алине в Дедовцы весной.

Новая встреча состоялась уже на следующий год, когда Н. Костомаров принял участие в Археологическом съезде, на котором выступил с докладом «О княжеской дружине». «Он просил меня присутствовать на его чтении, я сама это очень желала, и мы в назначенный вечер пошли в Ботанический сад (при университете), а оттуда в зал заседаний съезда. У входа в сад и у входа в зал заседаний Николай Иванович предложил мне войти с ним под руку. Нужно было видеть, с каким торжественным видом вводил он меня в этот зал, переполненный уже публикой. Мои обе дочери шли рядом. Николай Иванович усадил нас в ближайшем к кафедре ряду кресел. Когда наступила его очередь читать

свой реферат и он подошел к кафедре, дружные рукописания раздались в зале и не смолкали долго. Николай Иванович глядел словно вдаль, но, видимо, был взволнован. Да и разве можно было оставаться безучастным к выражению почтения и признания за ним права на почетное место в среде ученых и литераторов, особенно же в стенах того университета, где в молодые годы он блистательно начинал свою профессию, которой лишился, не смея и мечтать о ее возвращении».

После окончания работы съезда Н. Костомаров уехал в Дедовцы, а оттуда 8 сентября 1874 года — в Петербург.

Во второй половине 1875 года он заболел тифом. В это же время умирает мать Николая Ивановича. Ему, пребывающему в бессознательном состоянии, друзья об этом не решались сказать. В этом тяжелом состоянии его не покинули, фактически спасли ему жизнь его ближайшие друзья: сосед Н. Катенин и доктор Д. Муринов, Н. Белозерская, А. Ге (жена художника Н. Ге).

4 февраля 1875 года Алина Леонтьевна получила подписанную неизвестным телеграмму: «Николай Иванович тяжело больной тифом, но не безнадежен. Мать его умерла, сегодня похоронили». Вечером того же дня она выехала из Ромен в Петербург, прибыв 11 февраля. Заехав к своим старым знакомым Филатовым и оставив у них вещи, она сразу же поехала на Васильевский остров, на квартиру к Николаю Ивановичу. У крыльца Алина попросила Н. П. Филатова пойти на третий этаж узнать о Николае Ивановиче. Прошло несколько долгих, очень долгих минут напряженного, робкого, тревожного ожидания. Алина смотрела на окна квартиры, где жил Николай Иванович: «Что там?»

Но вот выходит из дверей Филатов. Лицо его сияет. Он говорит:

— Жив, и есть надежда, что выздоровеет. Заходить к нему на квартиру запрещено, о чем есть на двери объявление: «Просят не звонить, а обращаться за сведениями о состоянии здоровья к Н. Катенину». Филатов проводил Алину к Катенину. Добрый приятель Николая Ивановича встретил ее радостной улыбкой. Он рассказал, как началась болезнь Николая Ивановича. Рассказал, как Николай Иванович долго боролся с болезнью, не хотел ложиться в постель, заставлял себя работать. Он нервничал, кричал, а мать его, Татьяна Петровна, не понимая, что у него бред, и видя, что он сидит у себя в кабинете на полу и рвет в клочья бумаги, уговаривала его не «чудачить». Между тем к вечеру того же дня заболела и Татьяна Петровна. За несколько суток она буквально сгорела от крупозного воспаления легких. Гнетущее впечатление производила панихида по покойной, когда за стеной в исступлении и тифозном бреде метался Николай Иванович. Он не осознавал, что делалось в соседней комнате, и выкрикивал какие-то бессвязные слова и предложения. Уже не чаяли спасти самого Николая Ивановича, уже купили на Смоленском кладбище рядом два места: одно для матери и второе — для сына. Но теперь все в порядке: кризис миновал, и хотя слишком медленно, но больной начинает выздоравливать.

Поселилась Алина тут же, на Васильевском острове, поблизости в гостинице, чтобы дважды в день посещать Катенина и спрашивать его о здоровье Николая Ивановича. К самому Николаю Ивановичу ее не пускали, боясь, что это может слишком взволновать больного.

Когда Николай Иванович начал идти на поправку, врачи разрешили рассказать ему правду о кончине любимой матушки. Эту тяжелую миссию взял на себя художник Н. Ге. Вот как описывает это сама Алина Леонтьевна: «Ге упорно

молчал. Николай Иванович, видимо, встревоженный таким молчанием, вскричал: «Вы молчите — значит, безнадежна, умрет, бедная, в скорбном сознании, что умирает не у сына, а у добрых чужих людей! Моя матушка природная малороссиянка и по происхождению простолюдинка, несомненно, дорожит тем, чтобы хворать и умирать у сына, а не у чужих, хотя и добрых людей: это позор для старой хохлушки валяться и умирать не у себя или не у сына, а в чужой хате».

— Успокойтесь, Николай Иванович! Ваша матушка умерла у сына, лежавшего в то время, по милости Божией, в бессознательном состоянии и потому не подвергшегося тяжелой необходимости быть свидетелем печального обряда погребения. К счастью, она не сознавала, что вы больны и что она умирает.

Николай Иванович быстро привстал с кресла и, перекрестившись, сказал: «Упокой ее, Господи! Его святая воля! Что делать!» Тихие слезы скатились по исхудалым щекам. Руки потянулись ко мне, как бы призывалась моя помощь, и он, подкошенный, опустился в свое кресло».

После этого он пригласил Алину переехать к нему и поселиться в комнате матери.

Когда состояние здоровья Н. Костомарова улучшилось, он вместе Алиной Леонтьевной поехал сначала в Киев для консультаций с известным окулистом, профессором университета Св. Владимира О. Ивановым, а потом в Дедовцы. Вот как вспоминает об этих днях Алина: «Восторг Николая Ивановича не поддается моему описанию. Слезы блестели у него на глазах, и после продолжительного молчания он сказал:

— Господи! Чуть не 30 лет я был лишен наслаждения, которым пользуюсь теперь, да еще у Алины!

После вечернего чая Николай Иванович снова вышел на балкон и любовался звездным небом, снова восхищался

пением крестьянской молодежи и так до времени отхода ко сну, когда я, придя на балкон, чтобы проститься с ним, заметила, что, стоя в раздумье, он молится.

Я сказала ему:

— Ты по-прежнему набожен...

— Храм здесь величествен! — ответил он, указывая на небесный свод, усеянный звездами».

9 мая 1875 года, в день своих именин, в Дедовцах, Николай Иванович обвенчался с Алиной, которой было 45 лет. Венчал их сельский священник отец Петр.

Алина Леонтьевна Костомарова в последующее десятилетие их совместной жизни стала для Николая Ивановича настоящим его другом и помощником-секретарем. По его указаниям разыскивала и переписывала нужные для его работы материалы и целыми часами громко читала ему, потому что сам он не мог читать из-за ухудшения зрения после болезни. К тому же была она очень хорошей хозяйкой и держала дом в образцовом порядке.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В конце 1860-х годов Киевский университет, где в течение 10 лет (1859—1869) была не укомплектована кафедра истории России и на которую неоднократно приглашали Н. И. Костомарова, провел заседание Совета и единогласно избрал Н. И. Костомарова профессором кафедры. Но генерал-губернатор Н. Н. Анненков и министр образования граф Д. А. Толстой отказали Н. И. Костомарову в переезде в Киев. Да и сам историк в одном из своих писем «дружески, по секрету» говорил: «...в Киевский университет я боюсь». Таким образом, лекторский талант ученого не нашел практического применения. Слушатели его лекций вспоминали о них с восхищением: лекции отличались «силой и живостью своего изложения». Н. И. Костомаров, по воспоминаниям Н. Н. Ге, был «любимый учитель всех», лучшего профессора истории, писал Н. А. Полевой, он «никогда не мог себе представить». В памяти А. Н. Пыпина Н. И. Костомаров запомнился как «замечательный профессор — с дарением, которое... осталось единственным в своем роде».

Несмотря на то, что правительство лишило Н. И. Костомарова возможности преподавать, стремясь изолировать его от общественной деятельности, он настойчиво поддерживал

контакты путем личных встреч и переписки с широким кругом известных деятелей науки, литературы, искусства и культуры. В их числе были корифеи украинского театра И. К. Тобилевич (Карпенко-Карый) и М. Л. Кропивницкий, прозаик И. С. Нечуй-Левицкий, историк и писатель Я. Ф. Головацкий и др.

В решении современных ему вопросов Н. И. Костомаров придерживался принципа: «...не идеал, а ближайшие, практические цели», которые, однако, сводились ним к культурно-просветительской деятельности. Решение других социальных вопросов он считал необходимым предоставить беднякам, потому что они «сами сумеют лучше нас основать то, что им считается лучшим, а не в нашем модном убеждении...» Когда в 1866 году, в связи с покушением на Александра II, в официальных литературных кругах появилось намерение подать правительству адрес, в котором выражалось бы возмущение по поводу «преступления», то Н. И. Костомаров отказался его подписать.

Зимой 1869/70 года Николай Иванович читал публичные лекции по русской истории в клубе художников, а летом совершил поездку в Крым и посетил Киев, в котором не был 23 года. Эти поездки, как и другие, были использованы для посещения исторических мест, работы в архивах и библиотеках. Так, прибыв в Севастополь, Н. И. Костомаров первым делом направился на Малахов курган, «где изрытая земля свидетельствовала о недавно пронесшейся буре, потрясшей этот край».

В 1871—1872 годах Николай Иванович занимался в основном написанием и изданием большого труда «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества». Одновременно он участвовал в работе Второго археологического съезда, проходившего в Петербурге, и вместе с П. П. Чубинским совершил поездку в Украину, посетив Корсунь, Чигирин, Холодный Яр, Суботов и другие исторические места.

В связи с этим обострилась болезнь глаз, которая мешала его исследованиям в архивах.

В начале 1873 года ученый взялся за составление «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», предназначенной «для популярного чтения». В ней историк дал высокую оценку преобразовательной деятельности Петра I, дав, однако, негативную оценку его деспотизму и жестокости.

Совершая поездку в Екатеринослав в 1873 году, Н. И. Костомаров отправился вниз по Днепру для осмотра мест, связанных с историей Запорожской Сечи и запорожского казачества, потом уехал в Киев, куда был командирован Археологической комиссией в «предыдущий комитет по организации III археологического съезда», назначенного в этом городе на 1874 год. На съезде Н. И. Костомаров был председателем отделения исторической географии и этнографии, где прочел реферат «Об образовании княжеской дружины, о ее значении в древнее время и о ее применении в дальнейшем быту русского народа».

Начиная с 1847 года Н. И. Костомаров постоянно находился под наблюдением тайной полиции. Так, незадолго до Эмского указа 1876 года, запрещавшего издавать литературу на украинском языке и ввозить книги из-за рубежа, ученого вызвал письмом начальник Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенант Слезкин. На этом письме была отметка Н. И. Костомарова: «Требовали беднягу для предостережения, полученного из III отделения, чтобы никому малороссийских денег ни для каких целей не отдавал». Поэтому впоследствии Н. И. Костомаров отказывал в просьбах принять деньги, собранные для издания книг на эти цели за границей, и передал 4000 руб. Петербургской академии наук на премию за лучший российско-украинский словарь.

И в последующие годы ученый по-прежнему с огромной энергией продолжал исследования истории Украины, подго-

товил к изданию произведение «Руина», работал в архивах, особенно московских, по сбору материала для задуманной монографии «Мазепа».

Историк Костомаров не только создавал новые произведения, но и принимал деятельное участие в работе научных организаций, находил время для оказания помощи молодым ученым, с которыми делился знанием и опытом, старался помочь каждому, кто к нему обращался за советом или нуждался в его содействии.

В 1881 году Николай Иванович принимал участие в работе Археологического съезда в Тбилиси, где встретился с активным участником Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Гулаком, с которым не виделся со времени ссылки в крепость (1847). Свидетель той встречи вспоминал, что они долго беседовали, а «при расставании расцеловались и Н. И. Гулак на прощание подарил историку свою книгу, изданную французской академией». Анализ писем Н. И. Гулака 1870-х годов, написанный сподвижнику по Кирилло-Мефодиевскому обществу Н. И. Костомарову, говорит о том, что спустя десятилетия он высоко оценивал вклад ученого в развитие исторической науки, освободительных идей, его участие в общественно-политической жизни.

Лето 1883 года Н. И. Костомаров провел в Украине. Состояние его здоровья резко ухудшилось, но, несмотря на это, зиму он работал в архиве.

В январе 1884 года здоровье ученого немного улучшилось. 25 января, как всегда, отработав день в архиве, вечером он вышел на улицу. Но не успел отойти от здания архива и сотню метров, как был сбит с ног лошадьми и протянут чуть ли не через всю площадь, пока его в бессознательном состоянии не поднял городской и не доставил в полицейский участок. Немного оправившись, Николай Иванович еле смог вернуться домой. С этого момента его болезнь начала прогрессировать.

По оценке современного исследователя жизни и творчества Н. Костомарова Ю. Пинчука этот случай не мог быть случайностью: Костомарова осенью 1884 года при переходе улицы снова сбила подвода. Ученого неоднократно предупреждали высшие имперские чины, чтобы он прекратил издание книг на украинском языке.

В феврале 1885 года Костомаров побывал на приеме у профессора Медико-хирургической академии С. Боткина. Врач, осмотрев Николая Ивановича, дал понять родным, что его состояние здоровья безнадежно.

Несмотря на это Н. И. Костомаров подготовил к печати «Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества», а также все необходимые материалы для монографии о М. В. Ломоносове, начал писать исторический очерк со времен бироновщины, которому было суждено остаться незаконченным.

В марте 1885 года, как вспоминает Алина Костомарова, в минуты отдыха, или вернее борьбы со смертью, которая все приближалась, мысль ученого продолжала работать, лицо его было спокойно, глаза смотрели в неведомую и невидимую для чужого взгляда даль. Иногда он брал перо и что-то писал на почтовых листах. На вопрос жены, о чем он размышляет, он неизменно отвечал: «Это я отдыхаю!» — «О чем же пишешь?» — «А вот увидите!» В это время он работал над описанием жизни фельдмаршала Миниха.

Незадолго до своей кончины Николай Иванович пожелал еще раз увидеть картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». По его мнению, в ней художественно верно воспроизведен характер этой исторически сложной и противоречивой личности. В выставочный зал историка внесли на руках и посадили в кресло. По воспоминаниям А. Л. Костомаровой, на вопрос И. Е. Репина, находившегося в то время в зале: «Какого мнения вы об этой картине, Николай Ивано-

вич?» — он ответил: «Да вот такого, что не хотел умереть, не взглянув еще раз! А я уже был здесь недавно». — «Какая высокая похвала! И как ценю ее! Это несравненная оценка для меня! Я автор картины; вы не узнали меня, Николай Иванович, а я имел честь быть у вас года три назад или четыре!»

Из воспоминаний А. Костомаровой узнаем, что 31 марта Николай Иванович поднялся с постели, но уже не мог стоять на ногах, пока его должны были одеть в обычную одежду. Он никогда не пользовался халатом и не имел его. Целый день с ним был приехавший Д. Мордовцев. Видя, как трудно Николаю Ивановичу передвигаться самостоятельно, он катал его в кресле-каталке по квартире. Так, проезжая возле бюста своего старого друга Тараса Григорьевича Шевченко, больной Николай Иванович сказал: «Чи бачиш, Тарасе, як Микола їздить!» В это воскресенье он в последний раз принимал пищу и уже больше не вспоминал о ней, а лишь изредка спрашивал чашку «теплоты»: питье это, состоявшее из согретого красного вина, разбавленного кипятком, и подслащенное сахаром, согревало и как будто подкрепляло больного».

А. Костомарова сообщает, что в понедельник, 1 апреля, Николай Иванович не мог уже подняться с кровати, но вспомнив, что в этот день приносят апрельский номер «Вестника Европы», попросил его принести, ибо там должна была быть опубликована его рецензия на книгу Кояловича «История русского самосознания», в которой высказано мнение, что профессор Петербургской духовной академии «находит у писателей те мысли, коих у них нет». Этой рецензией Костомаров хотел завершить спор с Кояловичем о теории федеративного устройства Древней Руси. «Я поднесла свежий номер “Вестника Европы” и открыла перед Николаем Ивановичем его статью. Он спокойно и медленно произнес: “Пусть сочиняет. Я все сказал!”»

Как видно из воспоминаний, в среду, 3 апреля, Н. Костомаров начал очень заметно слабеть не только телом, но и

памятью, а в четверг, 4 апреля, его причастил священник. 5 апреля он обратился к Алине с такими проникновенными словами: «Добра моя жинка! Поздно сошлись мы с тобой, рано расходимся, мало прожили вместе!.. Озабочен я многими думами!» На вопрос Алины Леонтьевны: «Какими, друг мой?!» — он ответил: «Многими... выразить не могу, сказать не умею... Художник и поэт, прости! Прощайте все!»

«Яркие весенние лучи солнца озарили страдальческое лицо. ...Я исполнила желание моего друга: закрыла ему глаза...»

Николай Иванович Костомаров скончался утром 7 апреля 1885 года в Петербурге в доме № 4 на Васильевском острове, в своей квартире, которая долгое время была местом встреч многих передовых деятелей науки, культуры и искусства. В опубликованных некрологах единодушно отмечали, что умер талантливый историк.

И это вполне справедливо: произведения Н. И. Костомарова еще при его жизни получили признание не только в России, но и за рубежом. Отдельные его произведения, переведенные на немецкий и шведский языки, были изданы в Лейпциге и Стокгольме. Н. И. Костомаров не заключал себя в тесные рамки историка-исследователя, горячо откликался на важные события общественной жизни, охотно делился знаниями и опытом, был далек от всякого педантизма.

Похороны Н. И. Костомарова состоялись 11 апреля 1885 года при большом стечении народа, хотя царская администрация пыталась воспрепятствовать этому.

Похоронили историка на Волковом кладбище в Петербурге.

По желанию Н. И. Костомарова, право на издание его произведений было отдано Литературному фонду, богатая личная библиотека передана в Киевский университет, а денежные сбережения потрачены на строительство школы в его родной слободе Юрасовке.

СОДЕРЖАНИЕ

Детство: первые уроки	3
Юность: годы взросления	17
Становление ученого	32
В Ровно	45
Киев	53
Драма жизни	57
Николай Костомаров и Тарас Шевченко	62
Арест. Саратовская ссылка	68
В Петербурге. Смерть Шевченко	80
Европейские туры	93
Николай и Алина: история любви	101
Последние годы жизни	114

Науково-популярне видання

КОЛЯДА Ігор Анатолійович
ГЛАВАЦЬКИЙ Максим Володимирович
КИРІЄНКО Олександр Юрійович

МИКОЛА КОСТОМАРОВ

(російською мовою)

Головний редактор *О. В. Красовицький*
Відповідальна за випуск *Г. С. Таран*
Художній редактор *Л. П. Вировець*
Комп'ютерна верстка: *І. Л. Цибульник*
Коректор *Р. Є. Панченко*

Підписано до друку 14.12.15. Формат 70×108 ¹/₃₂.
Умов. друк. арк. 5,60. Облік.-вид. арк. 5,61.
Тираж 2000 прим. Замовлення №

ТОВ «Видавництво Фоліо»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

61057, Харків, вул. Римарська, 21А
Електронна адреса: www.folio.com.ua
E-mail: realization@folio.com.ua
Інтернет-магазин www.bookpost.com.ua

Надруковано з готових позитивів
у ТОВ «Видавництво Фоліо»
61057, Харків, вул. Римарська, 21А
Свідоцтво про реєстрацію
ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

